

МАРИЯ ПАВЛИКОВСКАЯ • ЯСНОЖЕВСКАЯ

СТИХИ

Мария Павликовская-Ясножеевская (1891—1945) — выдающаяся польская поэтесса. Ее творчество пользуется неизменной любовью многих поколений польских читателей.

В русских переводах публиковались до сих пор (в антологиях и периодике) лишь немногие ее стихи.

В настоящий сборник входят избранная лирика 1920—1930-х годов и стихи военных лет.

**МАРИЯ
ПАВЛИКОВСКАЯ
ЯСНОЖЕВСКАЯ**

Стихи

*Перевод
с польского*

Москва
«Художественная литература»
1987

ББК 84. 4П
П12

Maria Pawlikowska-Jasnorzewska

Составление и предисловие

В. Британишского

Оформление художника

Е. Соколова

Павликовская-Ясножевская М.

П 12 Стихи: Пер. с пол./Сост. и предисл.
В. Британишского.— М.: Худож. лит.,
1987.— 144 с.

В сборник поэзии польской поэтессы Марии Павликовской-Ясножевской (1891—1945) входят ее стихи из книг 1922—1941 годов и стихи последних лет.

4703000000-221

П ————— 170-87

028(01)-87

ББК 84.4П

© Составление, предисловие, переводы, кроме отмеченных*, оформление Издательство «Художественная литература», 1987 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мария Павликовская-Ясножевская родилась в 1891 году в Кракове. Она была из плеяды тех удивительных женщин, которые, явившись почти одновременно — в первой четверти XX века — в поэзии разных стран и народов Европы, заставили раз и навсегда забыть суждения прошлого столетия о том, что «женщина не может быть великим поэтом». Ее сверстницами в русской поэзии были Анна Ахматова и Марина Цветаева. Павликовская — одна из крупнейших европейских поэтесс XX века, но поэтесса очень польская, более того — очень краковская.

Краков ее детства и юности, Краков рубежа столетий, — это приграничный город Австро-Венгрии, близ границ с Германией и Россией. В городе находится гарнизон императорско-королевской австро-венгерской армии. Но не только. Здесь находится Вавельский замок, напоминающий о том, что именно Краков был древней столицей Польши. Здесь высятся готические костелы, стоят дома краковских горожан эпохи Ренессанса, соборы польского барокко. Старинный Ягеллонский университет, основанный в XIV веке. Ботанический сад и астрономическая обсерватория, заложенные в конце XVIII века последним польским королем Станиславом-Августом. В 1883 году городской общественностью открыт Национальный музей. В 1893 году открывается новый большой театр. В 1900 году краковская Школа изящных искусств подымается до ранга академии. Университет — театр — Академия — это теперь три центра

кристаллизации краковской культурной жизни. В 1897 году начинает выходить краковский журнал «Жице» («Жизнь»), объединивший творческие поиски писателей, художников, людей театра.

С началом XX века в город приходят достижения современной техники и цивилизации. В 1901 году по улицам пошел электрический трамвай. В 1906 году начала работать автоматическая телефонная станция. На улицах и окрестных дорогах появились первые автомобили. Павликовская, по-видимому, первая в польской поэзии употребила слово «шофер». А телефон надолго останется предметом удивления и эстетического любования и для нее, и для других поэтов ее поколения.

Краков начала века — город небольшой, но быстро растущий. Полуторазэтажный дом с мезонином, в котором родилась и прожила большую часть жизни Мария Павликовская, с годами выглядит все меньше, потому что по соседству воздвигаются все более высокие здания. Дом этот в Кракове называют «Коссаковка». Здесь живут Коссаки. Мария Павликовская — урожденная Коссак, из «династии» художников.

Ее дед Юлиуш Коссак — прекрасный рисовальщик и акварелист, автор батальных полотен, охот, конских ярмарок. Знаток польского быта, костюма, оружия. Знаток лошади. Кони Юлиуша Коссака известны на всю Польшу. Но уже состязаются с ними кони его сына — Войцеха Коссака. Войцех Коссак пишет не только битвы и охоты, но и портреты (на лошади и без), портреты эффектные, модные, у него нет отбоя от богатых и высокопоставленных заказчиков. Работает

он легко, быстро. Денег много, но их не хватает: у него ведь и сын Ежи (который тоже займется живописью), и две дочери: Мария и Магдалена. Дочери выберут литературу и театр.

Младшая из сестер, Магдалена, будет выступать под мужским псевдонимом Самозванец с комедиями, юморесками, сатирами. Она переживет свою старшую сестру почти на тридцать лет и под конец жизни опубликует две книги мемуаров. Мы можем представить обстановку благополучной, беспечной жизни обеих сестер в доме родителей. Но о внутренней жизни старшей сестры приходится больше догадываться. Известно, что она с семи лет сочиняет стихи. Что она очень много читает на нескольких языках, причем читает не только журналы (детские, а потом — женские), не только художественную литературу, но и — главным образом — книги по естествознанию и философии.

Такой ранний выбор ею серьезных книг очень важен, потому что образование обеих сестер — почти исключительно домашнее. Правда, дом — особенный, в доме собираются «сливки» краковской интеллигенции, есть на кого посмотреть, есть кого послушать.

Некоторое время Мария Павликовская посещала краковскую Академию изящных искусств, научилась работать акварелью, ее работы хвалили профессора, она даже выставлялась. Сильнее оказалась тяга к поэзии. В поэзии Павликовской и проявилась — ярчайшим образом — живописная одаренность, унаследованная от деда и отца. Но и на ее акварели интересно взглянуть. Одна из них, воспроизведенная в цвете на обложке

мемуаров Магдалены Самозванец, изображает сад, где гуляют люди и летают эльфы с крыльями бабочек. Акварель Павликовской напоминает очень известную картину краковского живописца Юзефа Мехоффера «Странный сад» (1903) и другие картины художников 1900-х годов, причудливо сочетающие реальное с элементами фантастического, сказочного, загадочного.

Название первой книги стихов Марии Павликовской (1922) дословно переводится как «Голубой миндаль». Так говорят поляки о чем-нибудь несбыточном, о чем-нибудь таком, чем заняты лишь несерьезные фантазеры. По-русски можно было бы сказать: «Воздушные замки». Но в первых книгах Павликовской огромную роль играет цвет. За «Голубыми небылицами» (переведем так) 1922 года последовала «Розовая магия» 1924 года. Голубое и розовое — цвета «дамские», цвета дамских будуаров и дамских рукоделий. Поэтесса вызывающе подчеркивает, что ее поэзия — поэзия женская, если угодно, даже «дамская». Вдумчивый критик первой книги Ахматовой писал, что в ее стихах есть не манерность, но «видимость манерности». Подобная видимость «дамского искусства» есть в двух первых томиках Павликовской (да еще видимость «детского», «наивного», «глупого» взгляда на вещи). Один из польских критиков принял видимость за суть и увидел в первой книге только «мимолетные вдохновения разноцветной минуты, записанные перышком колибри в бальной записной книжке или на веере». Павликовская надолго обиделась. Подзаголовок книги «дансинг» («бальная

записная книжка»), а может быть, и название книги «Веер» — это «ответ» обидчику.

В целом же польская литературная среда приняла дебют Павликовской чрезвычайно доброжелательно. Авторитетнейший польский писатель тех лет Стефан Жеромский, «в гроб сходя, благословил» молодую поэтессу, назвав ее стихотворение «Ленартович» «шедевром современной поэзии». Особенно горячо встретили Павликовскую молодые варшавские поэты, ее сверстники. «Сестре по лире — от собрата по перу», — надписывает ей Тувим одну из своих книг. И он, и его товарищи по варшавской группе «Скамандр», только что взявшие штурмом польский Парнас, уже успевшие стать любимцами публики и критики, посвящают Павликовской стихи, пишут восторженные рецензии на ее поэтические томики, на ее комедии (как драматург она выступила в 1923 году).

С поэзией «скамандритов» и сближала польская критика середины 20-х годов поэзию ранней Павликовской. Некоторая общность действительно есть, это общность поколения, общность времени дебюта. В какой-то мере — общность некоторых ориентиров (творчество Леопольда Стаффа) и некоторых установок (прозаизация поэтического языка, интерес к повседневности, конкретности, предметности). Более существенные и определенные черты сходства можно найти в двух первых книгах Павликовской с первой книгой одного из «скамандритов» — Ярослава Ивашкевича. Ивашкевич и Павликовская, подобно русским акмеистам 1910-х годов, обращаются к вещам, формам, краскам этого мира, ми-

ра, воспринимаемого ими обоими ярко, пластично, чувственно. Можно назвать их первые книги «акмеистскими». Но если статью о русских акмеистах В. М. Жирмунский мог назвать — «Преодолевшие символизм», то Павликовская, при всем своеобразии, при всей новизне ее первых книг, не стремится «преодолеть» непосредственных предшественников.

Скорее наоборот, в поэзии Павликовской первой половины 20-х годов разворачивается потенциальное богатство художественных идей предыдущей эпохи, идей, которые сама эта эпоха, ее художники и поэты успели реализовать лишь частично. Искусство начала века, которое в Кракове и Варшаве называли «сецессия», в Москве и Петербурге «стиль модерн», а в Париже «новое искусство», было искусством действительно новым. В польском искусстве и литературе зачинателем многого в те годы был Краков. Импульс, полученный на рубеже веков краковской культурой, продолжал действовать и позже. Краков 20-х годов продолжал оставаться «лабораторией» искусства и литературы, городом новаторов, искателей.

Разумеется, был и другой Краков — консервативный, ханжеский, мещанский. Читая стихотворение «Прекраснейший сон», не приходится сомневаться, что город, привидевшийся Павликовской «во сне», это, конечно же, Краков, а жители города, из которых одни верят в закон тяготения, а другие в существование дьявола, это, конечно же, краковские обыватели.

Тем ярче на таком фоне выглядели фигуры людей

незаурядных и независимых. Внимание краковян 20-х годов в равной мере обращали на себя два необычных человека. Станислав Игнаций Виткевич (Виткаций) — драматург, прозаик, философ, живописец. И Леон Хвистек — логик и математик, философ, прозаик, живописец. Оба претендовали быть законодателями нового искусства, оба хотели властвовать умами в Кракове. Павликовская дружила с обоими. Она — постоянный гость и участник бесед в доме Хвистеков, а замысел ее книги «дансинг», несомненно, связан с картинами и акварелями Хвистека на этот сюжет. Часто встречается Павликовская и с Виткацием, который женат на ее двоюродной сестре. Однажды они вдвоем написали пьесу, которая не сохранилась. Сохранился портрет Павликовской работы Виткация.

Портрет Павликовской пробует дать в своих стихах и Тувим. Он рисует ее как лилию и Офелию одновременно. Заметим, что и лилия, и Офелия — излюбленные образы «сецессии».

А в «поэтической живописи» самой Павликовской 20-х годов стиль собственно «сецессии» переплетается (как это бывало в искусстве Кракова и в начале века) и с символизмом, и с импрессионизмом, и с новыми веяниями. В стихотворении «Закат над замком» Бавель буквально растворился в импрессионистических световых эффектах. «Натюрморт с яблоками» (в книге 1924 года) резкостью контуров, геометризацией форм созвучен (и синхронен) новым поискам краковских художников 20-х годов. А «Персидский ковер» Павликовской уже как бы предвещает полотна (и гобелены)

будущих польских абстракционистов, которых тогда еще не было.

В поэзии Павликовской 20-х годов много восточных мотивов: персидских, турецких... В этом она не одинока. Но особое место занимают у нее образы японского искусства. Не случайно. Японское искусство хорошо знали в Кракове: в 1920 году краковский коллекционер Феликс Ясенский передал в Национальный музей свою большую коллекцию японских гравюр; но краковские художники были знакомы с его коллекцией и раньше.

Яркость красок двух первых томиков Павликовской притушена в третьей книге лирики («Поцелуи», 1926). Мажор сменился минором.

Книга представляет собой большой цикл четверостиший. Всего их около шестидесяти. Первые десятка полтора объединены «единством места действия»: морской берег, пляж. Некоторые из этих «морских» миниатюр чуть похожи на миниатюры Аполлинера о морской фауне из его книги «Бестиарий», да и «Львы в клетке» перекликаются с его четверостишием «Лев». Но по мере чтения книги Павликовской это мелькнувшее было ощущение сходства быстро исчезает. «Бестиарий» Аполлинера — откровенная игра, забава поэта. Книга Павликовской — серьезная и элегическая. Все эти ее картинки, пейзажи, жанровые сценки, психологические этюды окрашены грустью женщины, теряющей любимого человека (стихи писались в пору, предшествовавшую разрыву Марии Павликовской с ее мужем, Михалом Павликовским).

В этой книге живописность уступает место психоло-

гизму. Павликовская или наблюдает себя как бы со стороны, или пишет о других людях, о внешнем мире, о природе, но сквозь все сюжеты слышится биение ее сердца. И содержание, и форма этих миниатюр, и разговорность интонации, лексики, синтаксиса позволяли польским критикам сближать эту книгу Павликовской с ранней лирикой Ахматовой. Сближает их и ритм: колеблющийся, а иногда и довольно резко меняющийся ритм нерегулярного тонического стиха («дольника», «паузника»).

В контексте польской литературы 20-х и 30-х годов польские критики сопоставляли Павликовскую и с женщинами-прозаиками, сыгравшими решающую роль в становлении и развитии современного психологического реализма в польской прозе. Особенно с Зофьей Налковской. Сейчас, после опубликования дневников Налковской, видно, каким мастером интроспекции она была. Подобным искусством интроспекции отличается и психологическая лирика Павликовской.

В 1927—1928 годах начинается новый этап ее творчества. В книгах «Лесная тишина» (1928), «Шелксырец» (1932), «Спящий экипаж» (1933) и «Балет вьюнков» (1935) центральное место занимает природа. Но природа здесь уже не маска субъективной личности и ее переживаний, а подлинно сама природа, которую поэт изучает, исследует. Среди этих стихов есть размышления о природе в целом (часто о Природе с большой буквы), о биосфере, выражаясь на нашем теперешнем языке, о Космосе, о месте человека и живого в Космосе, о соотношениях живого и неживого. А есть

детальные, точные «зарисовки» из жизни растений, животных, птиц, насекомых.

Как заметил польский (краковский!) писатель и историк культуры Казимеж Выка, «рисунки» растений в поэзии Павликовской своей тонкостью и точностью напоминают «Гербарий» Станислава Выспянского — альбом карандашных рисунков дикорастущих растений польских Карпат и ближайших окрестностей Кракова. И растения у обоих — самые обыкновенные. Как подсолнух, крапива, чертополох, колокольчик.

Есть, однако, существенная разница. «Гербарий» Выспянского мы лишь теперь, нашим теперешним эстетическим сознанием, воспринимаем как самоценное, готовое произведение искусства. Сам художник рассматривал эти рисунки как материал, как «сырье», работая в живописи и журнальной графике, проектируя витраж или полихромия. Павликовская же 30-х годов свои «рисунки с натуры», свои стихи-исследования осознает как новый жанр поэзии. Павликовская — один из создателей новой натурфилософской поэзии XX века. Пристальность микрозрения во многих ее стихах о природе (характерно уже название: «Крапива, разглядываемая вблизи») напоминает отдельные фрагменты стихов Заболоцкого 30-х годов, например, строфу «Жук домик между листьев приоткрыл...» в стихотворении «Осень» 1932 года. При такой пристальности как раз и можно разглядывать именно насекомых. У Заболоцкого это чаще жуки, у Павликовской — пчела, паук, стрекоза, бабочка и ее гусеница. Натурфилософия Павликовской пронизана ощущением един-

ства всего живого, принадлежности всех существ к одной общности. Отсюда — братское сочувствие и симпатия ко всему живому. Подобно Заболоцкому, Павликовская склонна наделять не только животных, но даже растения почти человеческим интеллектом. А в некоторых стихах Павликовской, как у Заболоцкого, натурфилософские мотивы переплетаются — порой причудливо — с социальными.

Почти одновременно с книгой «Лесная тишина» вышла ее книга «Париж» (1929), точное и мрачное изображение огромного, гипертрофически разросшегося современного капиталистического города-муравейника. Рычащие стада автомобилей. Ночные проститутки, как ночные бабочки. Утопленницы Сены. Световые рекламы, брызжущие в небо своей алчностью. Химеры Нотр-Дама, глядящие на Париж угрюмо, как на преступление... Заглавный цикл книги, цикл зарисовок, то ли фрагментов мозаики, то ли главок поэмы нового типа, интересен не только содержанием, но и поисками новых, «кинематографичных» форм композиции.

XX век — век авиации. «Аэроплан начинал карабкаться по небесному склону» — так определяла Павликовская (в книге 1924 года) одну из основных черт своего времени, мысленно глядя на него из будущего. В 30-х годах Павликовская свяжет с авиацией и свою личную судьбу: она выходит замуж за летчика Стефана Ясножеевского, живет с ним близ аэродрома на окраине Кракова, а затем в Ирене около Демблина, полеты мужа и его товарищей для нее теперь — повседневная жизнь. Но интерес ее к авиации — давний: уже в книге 1926 го-

да есть четверостишие «Аэроплан», тема «взлета» («крыльев») и тема авиации разворачиваются в книге 1928 года («Женщина-Икар», «Прекраснейший сон»).

В теме авиации Павликовская 20—30-х годов перекликается с Цветаевой, с ее образом души как «летчицы», с ее «Поэмой воздуха» (1930). Однако стихотворение Павликовской «Женщина и летчик» (1930) заставляет вспомнить не стихи и поэмы Цветаевой, а давнее и пророческое блоковское «Авиатор» (1912). Оба стихотворения начинаются ощущением романтического восторга, но оно неожиданно сменяется ощущением ужаса перед авиацией, которая может стать угрожающей и смертоносной. Пророческая тема Павликовской, тема женщины как преследуемой жертвы и летчика как хищника, как «грифа с человеческим ликом», вернется в ее стихотворении «Пленница», написанном уже в начале второй мировой войны, вернется уже не как предвидение, а как страшная реальность.

В 30-х годах появляются у Павликовской и стихи прямого политического звучания. Таково, в частности, стихотворение «Космический аргумент», рожденное польской действительностью тех лет, когда правые, польская реакция, все чаще обращались к репрессиям против «неправых», выбравших «путь налево». Путь налево Павликовская считает естественным, отвечающим природе вещей: ведь сердце у каждого человека «слева, а не справа».

Во второй половине 30-х годов центр тяжести творчества Павликовской перемещается в сторону театра. Усиливаются социальные мотивы, с самого начала не

чуждые ее пьесам. Ее комедия «Заповедник», высмеивающая анахроничность и гротескность польского поместья, «заповедника» феодальной старины, не была принята ни одним театром и появилась в печати лишь в годы Народной Польши. Постановка другой ее пьесы, «Чудо-Баба», блестящего и беспощадного антифашистского, антигитлеровского памфлета, местами близкого к Брехту, вызвала протест посольства гитлеровского рейха польскому министерству иностранных дел. Это было в 1938 году. Война была на пороге.

В годы второй мировой войны польская поэзия, польская культура понесли огромные потери. Многие поэты погибли. Многих польских поэтов война разметала по всему миру. В 1946 году вернулся в Польшу Тувим, привозя с собой поэму «Цветы Польши», написанную в Бразилии и Соединенных Штатах. Из Советского Узбекистана возвращался Влодзимеж Слободник, с Ближнего Востока — Владислав Броневский, из Румынии — Казимира Иллакович, из Англии — Антоний Слонимский. Мария Павликовская-Ясножевская не вернулась: 9 июля 1945 года она умерла в онкологической больнице Радиевого института в Манчестере. Диагноз врачей был ей известен. Две операции оказались безрезультатны. Полупарализованная, полусожженная радием, она все еще продолжала верить в чудо Возвращения. Именно так, с большой буквы, она писала в последние годы жизни это слово. В Польшу, в новую, народную Польшу вернулись лишь ее стихи военных лет — новый и последний этап ее поэтического творчества.

Эстетическая доминанта в поэзии Павликовской сменилась этической. И хотя такая метаморфоза была подготовлена всей эволюцией ее творчества 30-х годов, переход был резкий. В первый момент — в цикле 1939—1940 годов «Роза и горящие леса» — Павликовская в порыве аскетизма отказывается от рифмы, открепивается от своих прежних блестящих рифм-ассонансов как от игрушки «то ль мастерства, то ль детства». Она хочет теперь, чтобы только ритм вел ее «тоскующую мысль», чтобы ее стих звучал «военно и сурово».

В 1939—1940 годах Павликовская жила во Франции. Летом 1940 года после разгрома Франции переехала в Англию. Четыре года прожила почти безвыездно в небольшом городке Блэкпул в северо-западной Англии, на берегу Ирландского моря. Здесь в 1944 году ее настигла страшная болезнь. Но задолго до этой болезни, с первых месяцев скитаний, она уже была больна: больна ностальгией, больна — войной.

В стихотворении «Английские впечатления» русского читателя поражает совпадение со знаменитым стихотворением Цветаевой «Тоска по родине!..». Поначалу бросается в глаза совпадение концовок. У Цветаевой: «...Но если по дороге — куст встает, особенно — рябина...»

У Павликовской: «...Но боярышник бесприютный...»

И тоже — дорога: «...Этот тракт бесконечный, грустный...»

Рябина — синоним России и для Цветаевой (вспомним «...Россия, рябина...» в ее стихотворении 1918 года), и для многих-многих других русских поэ-

тов. Боярышник — столь же «постоянный» символ польской земли для польских поэтов: польские крестьяне сажали боярышник и терн на межах. Растения — разные, но сходство стихотворений двух славянских поэтесс, брошенных судьбой на Запад, на чужбину, разительное. «...Всяк дом мне чужд...» — у Цветаевой, и навязчивое «чужое», «чужие», «чуждо» у Павликовской.

Ностальгией рожден и цикл «Стихи о Кракове», и другие стихи Павликовской о Кракове, написанные в годы войны. В довоенной лирике Павликовской почти не было пейзажей Кракова и его окрестностей. Теперь, с чужбины, издали, Павликовская рассматривает родной город пристальнейшим взглядом. И каштаны его парков, и экзотические растения оранжереи краковского Ботанического сада, и кусты ежевичника при дороге близ города. А картина народного гулянья на городском лугу заставляет вспомнить многофигурные композиции ее деда, тщательного изобразителя натуры, Юлиуша Коссака.

Но Павликовская больна не только ностальгией, она больна — войной. Она ощущает войну как именно мировую, общечеловеческую, планетарную катастрофу: «весь мир горит», «планета вся становится Сахарой». От переживания личных страданий беженки, скитающейся по Европе, она поднимается до переживания страданий народов. Изображая реальные ужасы второй мировой войны, она анализирует, размышляет, представляет себе возможность создания новых, еще более страшных и еще более глобальных (как мы теперь ска-

зали бы) средств массового уничтожения. Этой теме посвящены и многие ее стихи, и многие фрагменты ее поэтической прозы военных лет — «Военные наброски».

В военные годы возвращается Павликовская и к четверостишиям. Она выделяет их под жанровым названием «Военные рубаи». Подобно миниатюрам Омара Хайяма, с чьим именем ассоциируется форма рубаи, четверостишия Павликовской военных лет — тоже размышления на вечные темы: о жизни и смерти. Но речь идет о жизни или гибели человечества в середине XX века, когда проблема войны и мира становится ключевой. Многие из этих четверостиший Павликовской кажутся написанными сегодня. Такова миниатюра «Современный человек», где сама природа, планета призывает человека, шагающего к войне в современном всеоружии: «...Крылатый! Одумайся! Слишком ты сильный!»

Поэтическая мысль многих ее рубаи не только не устарела, но лишь теперь и звучит по-настоящему. Гуманизм последних стихов Павликовской — это уже гуманизм нашего времени, времени чрезвычайно сложного, требующего от каждого художника зрелой мудрости и высокого чувства ответственности за судьбы мира, судьбы человечества.

В. Бриганишский

Долгие Небылицы

1922

КРАСКИ

В лиловых облаках над позлащенным миром —
любовная игра рубина и сапфира.
За розовой корою задумчиво и близко
в сквозном плаще листвы — вечерней синьки брызги.
Во мне ж — белым-бело, так девственно и тихо;
я в белизне таю всех ярких красок прихоть.
Под белым бьется цвет в пульсирующей дрожи,
но кто меня возьмет — и радугой разложит?

ДОМ НА ЛИСТВЕННИЦЕ

На лиственнице столетней,
в ветках легковолосях,
которые в жарком свете
трепещут, и в ясных росах —

гнездышко малой птицы,
гнездо, скорлупа орешка,
домик, над дверцей — стрешка,
на стрешке — звезда-зарница.

Высо́ко, высо́ко, выше,
выше, чем лестница вьется,
чем человек заберется, —
домишко во мраке рыжем

клонится и кружится,
с верхушкой бьется древесной
там, где в листве роится,
вплетается блеск небесный.

Лиственница, росую
упившись, не разбирала,
зачем ей гнет этот малый —
и вынесла в голубое.

Там! там, на высоком древе,
в шорохе жить хочу.
Хочу! — в этом жалком гневе
под рдяную скрыться парчу.

И в доме под синей аркой
досыта б я кивала
головкой, макушкой яркой
в русом пере и алом,

в русом... И не тоскуя
ни о чем и ни разу,
глядеть бы на землю пустую
глупым, о, глупым глазом!

ГОБЕЛЕН

В гобеленовых сапфирах, в шелковистой шерсти песне
позабиться мне пора;
в мир зарыться, чуждый миру, в чудо,
всех чудес чудесней,
цвета навьего пера.

Пропустить сквозь шерсть небрежно, процедить
сквозь нитки душу,
в шерстяной закутать лес
и в задумчивости нежной отдохнуть, лицо уткнувши
в травы цвета Веронез.

Надо мной гирлянды листьев лето красное умножит,
и в сияющем венке
я улягусь на пушистом, на цветочном, мягком ложе
с белым веером в руке.

Голубок повиснет справа, затвердеют слева волны,
пес умолкнет на ремне,
и охотник выйдет бравый, бородатый, страсти полный
из-за дерева ко мне.

Тот, кто сердцу не прикажет взвиться
трепетней и выше,

чем хотелось мне самой,
о любви своей не скажет, не шепнет и не напишет,
и навеки будет мой...
В гобеленовых сапфирах, в шелковистой шерсти песне
позабиться мне пора;
в мир зарыться чуждый миру, в чудо,
всех чудес чудесней.
цвета павьего пера.

МОЛОДЫЕ МОИ ЛЕТА

Молодые мои лета,
вы не повидали света!
Знали тесный садик свой,
бархат бархатцев и цинний,
дождь и грязь привычных мест,
зданий каменных громады.

Вам не радовали взгляды
крупнозвездный Южный Крест,
пирамида над пустыней,
слон, свободный и живой...

Не для вас весна цвела
в Гималаях, не для вас
жили чудеса, маня,
под баньянами Кашмира...

Грандиозный праздник мира
обошелся без меня,
без моих раскрытых глаз
и пытливого чела.

ВЫГЛЯНУЛО В ОКНО

Выглянуло в окно,
в ворота толкнулось,
вернулось —
вечно одно...

Шло и шло в весеннем мокром холоде,
в ветре, хлопающем черными зонтами, —
а шло к тому, что в бледной зелени и золоте,
что пахнет китайской гвоздикой, неведомыми цветами
и каждому суждено — позже ли, раньше.
Ходило, тянулось,
искало по ярмаркам, где торг идет,
глядело с башни,
вернулось —
и вдруг нашло в толпе твой рот,
припало,
смутилось, онемело, пропало.

ТУФЕЛЬКИ СТЕКЛЯННЫЕ

Туфельки стеклянные,
в искры разубранные,
с крылышками стрекозиными
у каблучков —
чтоб легко, легко плясать, как сумерки зимние,
не тяжелее света,

шагом менуэта —
и, духу поглубже набрав, шагнуть
прямо на журавлиную стежку, на Млечный Путь
и, усевшись на тучах,
на древних замках, флюгерах скрипучих,
ногу на ногу — передохнуть.

Туфельки стеклянные,
в искры разубранные,
граненные в лазури чудесной,
достались мне от премудрой ворожки:
уставясь на свод небесный,
на звезды стройно золотые,
что душу твою умыкают,
вдруг ты ахнешь: какие-то ножки
свесились и сверкают.
И, приглядысь впервые,
увидишь: это жены твоей ножки
и туфельки ее стеклянные
заслонили галактики страшные и туманные.

ФИАЛКОВЫЙ ЕПИСКОП

Жил фиалковый патер
в деревенском костеле.
В фиолетовой рясе
он служил при престоле.

Его бледные губы,
словно колос в пустыне,
никогда не касались
златовласой святыни.

Его хворые очи
никли тускло и слепо:
он не видел, как очи
превращаются в небо.

Хоть и билось в нем нечто,
вроде сердца людского,
он не чувствовал в сердце
пробуждения бога.

У него были книги,
что писались когда-то:
да угаснет веселье —
слушай, сердце прелата!

Слушал благовест утром,
чуял запах кадила.
Как знакомо все это
до противности было.

В фиолетовом сердце —
горечь без умиления.
Становились старухи
перед ним на колени.

Лепестками фиалок
слезы падали сами.
Стаи ангелов глупых
над престолом свисали.

Жил фиалковый патер,
жил угрюмо и странно.
Возрастали фиалки
возле сельского храма.

Жил фиалковый старец
в храме ветхом и жалком.
Ну а, может быть, просто
он приснился фиалкам.

ТЕАТР

Из-за черной портьеры возникает

Дама в черном, зажав в зубах золотистый платок,
и кивает в обе черные стороны головою,
отяжелевшей от черных печалей
(грустная Дама, как пес на луну воя,
мается черною тишиною).

А из-под свитков шелка, золотого, как солнце,
бледный Дурак глядит, затаившись,
раковиной ладонь приложил к уху,

к полу приник и трясется,
чьи-то шаги различив по слуху,
а это ввалился черный Дед об одной ноге,
встал и молчит — от него ни слуху ни духу.

И вдруг —

взвиваются черные паруса портьер,
опускается оливковая лампа, как железная слива,
и врывается Радость, Радость, она счастлива,
и хватает за локон Даму, которую мучит кручина,
за руку Дурака, Деда — за полу кафтана,
и хохочет, хохочет, как будто бы есть причина,
сумасбродная панна.

О, ДАЙТЕ УЙТИ В НЕГО

О, дайте уйти в Него,
как роза в кувшин с водой,
до глаз,
до самого лба,
полностью, с головой,—
пусть всюду, со всех сторон,
меня окружает Он,
целует меня, как волна,
как Океан Мировой.
Пусть больше не будет нас,
не будет ночи и дня,
пусть он проникнет в меня,
как сладкий скрипичный тон,

и в грудь, в глубь сердца войдя,
сольет два отдельных Я
в Одно.

НЕЧТО О ДОМОВИЧКЕ

Домовичок, по-японски Фукурокою,
очень полезен, когда с человеком дружен.
Любит, если ему хозяйской рукою
плюшка и молоко выставлены на ужин.

Сядет в углу тишком, он не терпит шума и грома,
золотом вышивать вечерами ему приятно;
если же счастье захочет сбежать из дома,
он его — цап за ушко! — и тащит обратно.

ЖАБА

Перебравшись осторожно через лист пожелклый,
жаба выползла на солнце и на землю села,
в экзотическом, яванском, ядовитом шелке
переливчатая глыба дышащего тела.

Цвета глины и горчицы, вся в квадратных звездах,
с каплей золота на каждом тлеющем квадрате,
дремлет сидя и внезапно скачет в синий воздух,
точно ведьма, распростершись на своей лопате.

ЗАКАТ НАД ЗАМКОМ

Пылает Вавель, весь в огне прозрачно-
розово-лиловом.

Лучатся окна в вышине, прощаясь с солнцем
теплым словом,

восторг по граням разложив светло,
оранжево и слепо,
среди пастельной, сладкой лжи
сгустившихся китайских крепов.

Вот праздник — общий и ничей, пятиминутный
праздник в замке,
среди багряных кирпичей — рубинов
правильной огранки.

В блестящей анфиладе зал, где все дымится
тонким паром,
сверкают сабли и глаза, сидит на троне
Зигмунт Старый.

Из окон ярко-золотых глядят ряды давно умерших,
невидимо для глаз слепых, от блеска яркого
ослепших.

Безмолвно вглядываясь в даль, в согласье
с разноцветьем дали,
они, как радость и печаль, всю радугу
в себя вобрали.

Розовая магия 1924

РОЗОВАЯ МАГИЯ

На золотой горелке
жгу я розу-сестрицу,
перышко черной птицы
да сердце человека.

Никто не убит, не опоен,
никто не сведен со света:
сердце — ничье. О, это
мое — и ничье другое.

Я голубка не душила,
чары мои бескровны:
к чародейской жаровне
я душу свою сложила.

Я

Был толстый, забавный ребенок. Он умер.

Нигде его нету.

Он бегал и прыгал повсюду — в гостиной,

в прихожей, в столовой

и как-то исчез незаметно, но исчезновение это

нисколько не тронуло близких, хоть был он

любим и балован.

Когда уходил он из дому, все вышло

без крика и драмы;

фантомами кукол и платьев незримый отход

обозначен.

Как часто, бывало, при свечке склонялась

над маленьким мама,

не спя у его колыбельки, а нынче и вспомнит —

не плачет.

Он звался, как я; и решили — какая нелепая

шутка! —

что я — это он; и надгробья ему не сложили,

не зная;

поэтому стонет ночами он в трубах протяжно

и жутко

о том, что его подменила какая-то женщина злая...

ТОТ, КТО ХОЧЕТ БЫТЬ МНОЙ ЛЮБИМ

Тот, кто хочет быть мной любим, должен быть
веселого нрава
и носить меня на руках, а мрачнеть
не имеет права.

Тот, кто хочет быть мной любим, должен, сидя
в саду на лавке,
проявлять живой интерес к червячку
и к мельчайшей травке.

Также должен уметь зевать, повстречав
кортеж похоронный
и процессию горожан, что идут, крича исступленно.

Но зато взволнованным быть, услышав, например,
кукушку
или дятлов заядлых стук, подзадоривающих
друг дружку.

Должен пса уметь приласкать и меня
баловать и холить
и на дне себя сладким сном жить, отдавшись мечтам
без воли,
и не знать ничего, как я, черпать счастья
полные горсти,
и далеким быть от добра и равно далеким
от злости.

НЕБО И ШЛЯПКИ

Женщины-небожительницы, горек ваш сладкий жребий!
В скучном вашем блаженстве зонтиков нет и шляпок!
Ангелам, самое большее, дарят звезду на небе,
души ходят в тюрбанах и никаких там тряпок.

Где ваши ленты, перья, ваши вуали, шали?
С древа вечности спали россыпью лепестковой.
И о парижских модах, хоть об одном журнале,
тщетно звать к пустыне иссиня-васильковой.

Белый архангел, черствый к женщине самой нежной,
нимб золотой вам выдаст вместо шляпки беспечной.
— Флотский поручик тоже летом весь белоснежный,
помните? Но попроще и не столь бессердечный...

ТЕЛЕФОН

Эбеновую трубку с зеленым, тонким, долгим
шнуром, где возникает чудо с тихим звоном,
несу в руке я левой, как ветку розы с черным
цветком, несу как чашу с вином непревзойденным.

Ты — раковина моря, в которой весть о счастье
резвонит, ты — как солнце, вздыхающее пылко.
Как хорошо запрятать родное чудо в левой
ладони, чтоб звенело, как золотой в копилке!

Эбеновая трубка, приют и остановка
в дороге, мчащей вести ко мне по долгой нити,
ты вся полна молчанья и шорохов и сладкой
тревоги, будто шепчет сам ангел, мой хранитель.

В тебе ль возникло чудо, бездушный, безотказный
предмет, и милый голос в тебе ль горит, блистая,
иль он в моем лишь сердце играет, а вне сердца
весь свет — лишь повод к жизни, сумятица пустая?

НАТЮРМОРТ С ЯБЛОКАМИ

Яблоко с синим контуром, выпукло, чуть квадратно,
на интенсивной зелени отблеск краплага ярок,
словно живые, зыблются бликов белые пятна...
Яблоко рядом с яблоком, яблоко среди яблок.

Блюдо — черное с кобальтом, цвета звонкая сила.
Фон — драпировки пышные, теплых тонов лепленье.
А на скатерть, где светятся цинковые белила,
с блюда катится яблоко — с синим кружочком тени.

ПЕРНАТЫЙ

Идиот — пернатый —
глуп до неприличья,
маковкой головка,
пестрая каемка —

враг кота заклятый,
пять своих яичек
сохранивший ловко,
в них — глупцы-потомки!
Прижимаясь к ветке
боком рыже-синим,
в спор ввязался едкий
со вторым кретином,
и поет, поет он
глупости без счета.

БЛАГОДЕТЕЛИ

Так нежил Май меня заботливой опекой,
так баловал меня Сентябрь златоволосый,
Бог угостил меня крепчайшей папиросой
из черно-золотой, звездистой табакерки!

Добры были ко мне — лелеема на зависть,
я грелась в их любви, как роза-недотрога.
Боюсь благодарить, тем самым сознаваясь,
что дали мне они так много, слишком много.

МОРЕ И НЕБО

Волны блещут как хрусталь богемский,
шепчут: не страшись морского гнева.
Море — небо и полно, как небо,
гибели и синевы небесной.

ЧАЙКА

Чайка над побережьем —
тоска надо мною злая.
Все та же? Та же, что прежде?
Не знаю. Не знаю...

КАРТИНКА

На песке — две девочки в купальных костюмах,
за спиной у них — облака.
Земля семицветна, как их радость жизни.
Море — как моя тоска.

БЕЗОПАСНОСТЬ

Вы за меня боитесь? Почему же?
Жизнь бурлива и зла, без сомненья,
но разве спасательный пояс нужен
сирене?

ЛЮБОВЬ

Вот уж месяц мы не встречались.
Ну и что? Я бледней немножко,
чуть сонливей, молчаливей малость...
Значит, жить без воздуха можно?

ЗАПОВЕДИ

Кто блюдет все заповеди, благ:
он живет по Божьему завету.
Я же лишь одну блюду — вот эту:
люблю тебя, мой Враг.

ЗНОЙ

Лето медленней мула бредет день за днем.
В окна сквозь жалюзи заглянуло...
Зной заходит без зова из сада в наш дом.
Ах, как жажду тебя, ледяного...

ЛЬВЫ В КЛЕТКЕ

Нагая и сонная львица не страдает в неволе,
лежит, заглядевшись на льва, что как царь
на престоле.
Вот он приближается, в гриве, в мужской величавости,
какая-то женщина смотрит — и плачет. От зависти!

НОЧНАЯ БАБОЧКА

Кресло, книги, свеча, окруженная мраком.
Вдруг вскрик взбудоражил мрак:
Полуночица-бабочка в пламени жарком
сгорает, как Жанна д'Арк.

ОФЕЛИЯ

Ах, долго еще цепенеть мне, плывя
среди водорослей и лилий,
пока наконец не поверю я,
что просто меня не любили.

КОРОВЫ

Благодушны, толстокожи и здоровы,
вы посетесь тут в блаженной слепоте,
как жующие траву коровы
рядом с тем, кто умирает на кресте...

ФОТОГРАФИЯ

Если уж тебе принадлежало
что-то тело и весь мир всецело,
а останется лишь снимок пожелтый,
это — это очень мало...

АЭРОПЛАН

Аэроплан летит. Он белой птицы краше.
Под ним земля и серых туч пучины.
Крылат, как саранча. Как орел, бесстрашен.
А сердце и глаза — мужчины.

УРАГАН

Небо в черном гнев.
Толпы туч. Рокот.
Счастливы деревья!
Вышуметься могут!

ОЧИ НА КРЫЛЬЯХ

1

Ночных мотыльков серебристых влечет какая-то сила
в колеблющийся пламень, пылающий среди ночи.
Зачем я в огонь упала и крылышки опалила?
И почему не в глазницах — на крылышках мои очи?

2

На крылышках очи незрячи, хотя и раскрыты широко.
Радужные зеницы летят неверно и слепо,
всегда сбиваясь с дороги. Зачем же крылышкам очи?
Летят ослепленно на свечку, а думают, что на небо.

РОЗА

В этом парке поблекшем аллеи пусты,
только роза и я над ней.
Мы единственные свидетели красоты —
я ее, а она моей.

ЛЕБЕДЬ

Смотри! Как вопросительный знак,
на озеро выплыл лебедь...
Мир ждет и читает в твоих глазах.
Стоишь у воды, колеблясь...

САД

Когда весна наступает,
в саду — живописная смена картин.
Все что-то цветет, отцветает.
Вчера мое сердце. Сегодня жасмин.

СЛЕПАЯ

Я слепая. Ослепленная маем.
Только знаю, что пахнут цветы.
И губами только понимаю,
что ты это не ты...

ГРОЗА

Мы ввергнуты в грозу, деревья! я и вы.
Но я шепчу свое тишайшим словом,
а вы рычите звериным ревом,
зеленогривые львы...

НИКЕ

Как схожа ты с Самофракийской Никой,
любовь отвергнутая и глухая!
Ты вслед бежишь с такой же страстью дикой,
обрубленные руки простирая.

ОКТЯБРЬ

Берез золотые брызги.
Холодно, как от последнего письма.
А солнце — как кто-то близкий,
который, озябнув, уходит. Близится зима.

Дачейн
Бабочная Записная книжка
1921

ЗАКЛИНАТЕЛИ ЗМЕЙ

съединяться нам разъединяться
в гибельном и гибком наважденье
как двум кобрам которых раскачало
заклинателя дикое дуденье

БАБОЧКА

я коснулась вас бабочкой броши
черный ирис мой
пылкий и горячий
вы — мужчина
я — причина вашей дрожи
о простите мне этот жест незрячий

ФОКСТРОТ

флоридские поцелуи
английские имена
под знаменем звездным
негр трубит не без смысла
танцуем обняли вы ли меня
танцуем
я ль на шее у вас повисла

СТРАХ

ах чарльстон утомил меня уйдемте в угол диванной
туда за китайские ширмы где драконы жеманны
опустимся на подушки под этим вот абажуром
но что вы такое обдумываете в молчании хмуром
и побледнели как-то и стали глаза как из стали
боже он хочет обнять меня как только что обнял

в зале

МИНУТА НА ВЕРАНДЕ

шумит деревьев черная стена
мятется ветер облака сметая
луна
как грудь жемчужно-золотая
на вихре
от любви
обнажена

РУКИ ТАНЦОРА

железных ваших рук
заботливая власть
ведет меня легко
стремительно и строго
а слабость женская
что вызывает в вас
презрение
нет восторг
исполненный тревоги

ТАНЦУЕМ ДАЛЬШЕ

нет все просто что ни говорите
он как дуб уверенный и смелый
а я в зеленом платье
и в жемчужной нити
я
к нему прильнувшая омела

ОТЦВЕТШАЯ ТАНЦОРКА

она все еще пляшет как прежде
и на птичку как прежде похожа
но своей красотой эфемерной
неустойчивей ветхого шелка
может краски утратить на солнце

может сжаться шагреневой кожей
и тогда ее закроют в шкафе
с нафталиновым запахом на полках

она уже лишь видимость не больше
она сломаться может как машина
ах осторожней юные танцоры
иначе лопнет тысячью морщинок

(о юности выносливая гордость
о кожа что прочней английской замши
о свежих щек резиновая твердость)

меж дансингом и этим сердцем старым
есть мост в полоску серо-золотую
какая мудрость там снует впустую
какие мысли проезжают мимо
но люди с ней беседуют не слыша
и на часы глядят нетерпеливо
а перед тем единственным любимым
она должна молчать покорно и пугливо

РЕВОЛЬВЕРНАЯ ПУЛЯ

интермеццо

о сколько их
настойчивых и умных
искало к звездам путь
сквозь тонкий воздух

а я держу в руках
простой снаряд латунный
способный в краткий миг
меня забросить в звезды

ПРЕДВЕСЕННЕЕ

мы у окна вдвоем
над темным кругом
земли тускнеет желтая заря
два облака сливаются друг с другом
зарницами безмолвно говоря

ЛЕТЧИК

печальное интермеццо

то ли ангел на землю слетает
распахнувши руки в доброй воле
а слетевши в траве засыпает
на широком ветровом лётном поле

то ли туча зажглась в черной круче
и краснеет роса как от заклятья
он слетел на пылающей туче
ангел широко раскрыв объятья

ПАЛЬМЫ

блюз

пальмы тишайшие из живых
нынче воплощенье пылкой муки
у вихря мужские руки
пальмы догонять решили вихрь

и несчастные в этой игре
руки вслед простирают шумные
девы спутанные безумные
в обмелелых крылах и пере

ПОТЕРЯННЫЙ ПАРТНЕР

платье сникло и вееру тошно
время сделалось тусклым и веским
всё кончается прежде чем должно
танцевать вроде можно а не с кем

мой партнер исчез разъяв объятя
где он мне неведомо вам тоже
если здесь не могу его сыскать я
где искать его господи боже

ПЕРСИДСКИЙ КОВЕР

Лимонный жалобный квадрат томился в черном поле,
следа, как белые кресты беснуются на воле.

но тут центральная звезда, фигура цвета сена,
к нему склонила слух и взор, послав ему на смену
толпу квадратов голубых с небесно-синим взглядом,
расположившихся вокруг задумчивым отрядом.

А где-то в красной мураве таились чудищ сонмы:
бродил болезненный двурог, дырявый и зеленый,

метались черные крюки и желтые уродцы,
друг друга яростно тесня, как бешеные овцы.

Издалека трезубцев ряд мерцал в багровом мраке,
а от бордюра долетал трезвон стоцветной драки.

ЗАМОК НА ЛЬДУ

Под замком у меня, покрывшийся водой,
трещит и гнется лед, ломаясь тонкой коркой;
хранитель-ангел мой, как служка молодой,
бормочет «отченаш», посапывая горько.

Увидел это бес: — На помощь, соль земли! —
Летят, чернее тьмы, валят, как сажа, густо;
скрепили кирпичи, подпорки подвели —
и рассмеялись вдруг — так искренне и грустно...

ДЕДУШКА

Дед сидел в мастерской у мольберта,
попыхивая сигарой,
кисть приложив к губам, задумывался надолго,
стряхивал пепел на дно пепельнички старой.
Смешивал на палитре фиалковый сок,
дождевые капли с зеленью весенней,
миндальное молоко с сиеной,
карандаш стирал корочкой хлеба,
а кобальт в окно доставал прямо с неба.
Писал, словно солнцем хотел упиться,
сивку-гривку, пляшущие копытца,
испанский горячий глаз кобылицы
с радужным крупом, который лоснится,
писал цветные местечки, как кучки грибов,
деревенские хаты,

луга, стариков, что как сомы усаты.
А за креслом деда стоял, головою кивая,
мудрый еврей Иммерглюк или Химмельбляу,
а другие ждали в саду или при входе,
пока дед досматривал сладкий сон о погоде.

БАБУШКА

Лет через пятьдесят сядет она по старинке
за фортепьяно (а весен будет ей семьдесят четыре),
бабушка, что каталась на скетинг-ринге
и пережила мировую войну, скучнейшую в мире.
Бабушка, во времена которой ходили трамваи,
аэроплан начинал карабкаться по небесному склону
и люди друг друга не видели по телефону,
а только слышали — вот старина-то какая!
Бабушка, которая помнит Кракуса и Ванду,
а уж Пилсудского и Фоша — так это точно,
которая питала слабость к джаз-банду
и ждала почтальона, приносившего почту,
бабушка, которая молодость загубила
без астродактиля и вироцикла, биофона
и кикомобилия,—
она взглянется в свой фильм поблекший и,
вспомнив былые годы,
сыграет на фортепьяне фокстроты, вышедшие из моды.

CHINOISERIE¹

Не затем меня тянет в Китай,
чтоб увидеть дивные храмы,
башню Тзин и святыню Тай
и сударынь юаньской драмы.

Ибо,
пока я фарфороволика
и нет морщинок в помине,
попробуй мне повели-ка
грезой не жить отныне.

Так что
хочу я в китайские рощи,
хочу китайско влюбиться,
там легче всего и проще
мне сон китайский приснится.

Может,
желтый и темный вельможа
мой сон, шелестя, озвучит
и в шелковых ширмах ложа
китайским тайнам научит?

Тайным
тайнам тунговых ягод,
перламутровой мути,
драконов, пунцовых пагод
и потайной моей сути.

---

¹ Здесь: китайские мотивы (фр.).

НАТУРЩИЦА

Натурщица — жемчужин светлых груд,
меж гипсов и холстов сияющее чудо.
Лежит в овале пламенном ковра,
и розой брошенной рука ее томится.

Но ей пора,
сейчас она сорочкою затмится,
подслеповатые наденет туфли
с застежкой на пуговицах тусклых,
за ширмю исчезнет деловито
и прочь уйдет,
как солнце — облаком, костюмом скрыта.

МАДАМ БАТТЕРФЛЯЙ

Когда лежала Баттерфляй на рисовой циновке,
как плод, рассеченная вдоль ударом харакири,
примчался кто-то, стал стучать поспешно и неловко,
крича безумные слова, единственные в мире.

Она узнала: это он! И гусеницей пестрой
рванулась к запертым дверям: любимый! ненавистный!
И вдруг, пронзенная насквозь железной болью острой,
ничком упала в тишину, гремящую, как выстрел.

В глазах клубится пелена, закатно розовея,
ударил гулкий медный гонг неслышанного тона,
и начал медленно шуметь огромный черный веер,
развеив стены, и цветы, и мир, и Пинкертона...

УТРЕННЯЯ ПТИЦА

Пичуга ошалела, приветствуя рассвет,
то с ветки вниз сорвется, то вновь на ветке виснет,
на яблоне мелькает и на цветущей вишне,
чертя молниевидный розово-сизый след.

Крича, что солнце всходит, взлетает на каштан,
колышется на ветке, как на зеленой лодке,
и возглас «солнце всходит», вибрирующий в глотке,
рвет тишину рассвета, как вышитую ткань.

И, падая с каштана в куст под мое окно,
озарена восхода оранжевым пожаром,
орет шальная крошка, кричит в восторге яром,
что снова солнце всходит! Не съел его никто!

ЛЕНАРТОВИЧ

Золотых дел мастер божий,
чтобы жизнь пилась мне сладко,
сделай кубок мне пригожий
звездоблещущего злата!

Сделай кубок, сделай кубок,
чтоб смотреть не насмотреться!
Пусть там вырезаны будут
птичка, звездочка и сердце.

Сделай легкий, как колечко,
крепкий, звонкий и упругий —
буду пить и славить вечно
золотые твои руки!

Позолотою с ладоней
мир позолотил ты целый...
Для любви, для сладкой доли
золотой мне кубок сделай!

ЛАУРА И ФИЛОН

Блестящий и сухой, как крылья стрекозы,
тысячелистый клен мерцал, как на гравюре;
был кузовок сплетен из тоненькой лозы,
малина тлела в нем, как вечер после бури.

Филон в своем смешном зеленом сюртучке
с кузнечиком был схож; Лаура в блеклом платье
сжимала поводок в худой своей руке,
в бумажном, восковом, французском аромате

Они сюда пришли распасться в тонкий прах,
как памятный цветок, засушенный и бурый:
испуганный Филон, Лаура в кружевах,
в камее со стрелой и с профилем Амура.

ЭРОС

Искра: встреча внезапная с ним или с нею,
та, что сном предугадана сладкоголосым...

Вместо губ, что еще целоваться не смеют, —
папироса, зажженная от папиросы.

Локоть локтя коснется ли — в ложе, в карете —
ток в руке, в каждом мускуле, в каждом суставе.
В ярких вспышках ракет, в фейерверочном свете —
блеск смеющихся глаз в их смертельной забаве.

Сладость рукопожатий: продлись же, минута!
столкновений нечаянных: вы? неужели?
слов — дрожащих, нелепых, ненужных, как будто
пена кружев и лент на прелестнейшем теле.

ОХОТА

Тувим, индейский вождь, что садит пулю в пулю,
чей перистый убор всех краше и огнистей,
охотится, сквозя сквозь облака и листья,
на золотого льва и красную косулю.

Рассматривает мир — цвета, явления, вещи,
орлиный взор разит, как огневые грозы,
он выгибает лук, сам напряжен, как лозы,
свист — и сраженный стих, кровотока, трепещет.

ТЕТКИ

Тетки будничны были, на фей непохожи.
Затрапезные, пресные, честные жены.
Ни волос золотистых, ни тоненьких ножек,
ни очей колдовских, ни ресниц изумленных.

Дом, усадьбу, семью содержали пристойно,
управляли мужьями, духи презирали,
даже в лунную ночь засыпали спокойно
в царстве пшенно-куриной стряпни и морали.

Лишь одна тетя Йола являлась как фея,
как парижская кукла и пахла фиалкой.
В птичьих перышках, легкими тюлями вея,
целовала, таясь под звездистой вуалькой.

И куда-то исчезла за вихрями следом,
в пору молний весенних, и ливня, и града...
Тетки горько рыдали — но был им неведом
вкус любви роковой и... крысиного яда.

СОЗДАТЕЛЬ

Так, значит, никто не попросит прощенья за все,
что случилось?
Никто не посожалеет, что жребий мой был
неприветлив?
Никто не скажет: Малышка, ты мужественно
держалась?

Никто мне не даст медали и по плечу не
потреплет?

Не скажет, зачем так нужно? И почему так жестоко?
Не вынет стрелу из сердца? Не спросит,
как с ней жила я?

Не поцелует за это? И я пройду одиноко,
запропаду и загину, как будто и не была я?

Ахилл в отчаянье плакал, убивши Пентесилею,
но тот, кто лишит меня жизни, не вскрикнет
над бездыханной.

Порхнет он за мотыльками, цветком залюбуется, млея,
и будет витать в эмпиреях все новых благоуханий...

ВЛЮБЛЕННЫЕ У МОРЯ

Влюбленные — смуглы, худы, высоки,
идут, смотря друг другу прямо в очи.
Хоть полдень золотист — он кажется им черным
в мечтаниях о ночи.

Идут спеша. Серьезны без причины.
Бегут людей и шапочных знакомых
и лишь вдали, где океан рокошет синий,
салятся рядом, как божки из глины.

Вернулись. Затерялись где-то в толпах.
Им улыбаются, плечами пожимая...
Но музыка, звенящая в киоске,
их понимает, как сестра родная.

БАНДИТ И ЧЕРТ

(Господам бандитам)

Тяжелой, темной ранью, эдак часу в четвертом,
явились брать Удода, бандита из Пшегожал.
Удод пошел покорно, он был зажат эскортом.
А за стеной тюремной свет медно-красный ожил.

Удод боялся сильно, он думал о побеге,
Он наблюдал с тоскою за медленным рассветом.
Попасть не жаждал в пекло. И не мечтал о небе.
Он был нелюбопытен. И речь не шла об этом.

Страх сотрясал Удода, как листик в непогоду.
Он попросил сигарку. Сказали — нет, и баста!
А черт его услышал. Захотел зубасто.
Слетал в лавчонку. Подал. И тут конец Удоду.

АКВАРИУМ

I

Затерпнувший от злости спрут с потухшими
глазами старца,
большой и хищный молоток, угри — литые пояса,
и полосатый анемон, который жадно крючит пальцы,
подстерегая в уголке еду, попавшую впросак.

Как разноцветные сердца, бьют плавниками
крошки-рыбки,
кальмар, собравшийся в пучок, плывя вперед,
плывет назад;
загадочный стеклянный мир, чужой, таинственный
и зыбкий,—
быть может, это только сон, быть может — рай,
быть может — ад?

II

Ах, пестрые рыбки птичьи, танцующие, балуя,
в каких-то плюмажах, перьях, чудесных, смешных
и случайных;
я каждую бы с восторгом отметила поцелуем,
и всех бы прижала к сердцу, уже утомленному
тайной.

III

За стеклами большая черепаха качается
безжизненно и тупо,
гриб твердый; полукруглый, темно-бурый в зеленовато-
золотой воде;
глаза совы, орлиный клюв тяжелый, и ноздри
разложившегося трупа,
и мох мутно-зелеными пучками свисает вниз
подобно бороде.

Как самурай загадочный и мертвый, глядит ее
японский профиль четкий;
янтарными, медовыми огнями просвечивает панцирь
по краям.
О, дайте опуститься на колени и взять
мои сандаловые четки,
и буду повторять я бесконечно: Природа-матерь!
Ты любовь моя!

ЛЮБОВЬ

Все думаешь. Упорно брови сужишь.
Глядишь в окно и твой печален взгляд...
А все ж меня ты больше жизни любишь?
Сам говорил ведь год тому назад.

И что-то прячешь за улыбкою нелепой.
Глядишь, как в небе облака скользят...
А все же я земля твоя и небо?
Сам говорил ведь год тому назад.

ПРОШЛОЕ

Прошлое — как старый пруд стоячий:
тесный, темный, населенный круг.
Где-то в тине призрачно маячит
белизна каких-то мертвых рук.

**Память счастья холодно и жутко
вдруг блеснет в зеленой глубине,
а мечта, наперекор рассудку,
как лягушка, пучится на дне.**

Светя Тихина 1928

СВЕТУ

Этот свет для меня, и я для света,
сжато ношей сердце и обогрето —
неутомимый влюбленный!
Все ему отдам, я не знаю страха,
пусть хоть смертью грозит — в ладони птахой —
мне, несравненной влюбленной!
Бабочек умерших, бирюльки, клады
соберет он на миг моей услады:
ветер их снова размечет.
Многоустые я уста целую:
говори: люблю! — и в любви усну я,
свет мой, усну я навечно.

ТАНЦУЮЩИЙ КОЛИБРИ

Так кто же мне все расстроил?
Чья воля, чья мысль враждебна
дрожанью жил под кожей,
натянутых, как на лире?
Чему завидуешь, боже?
Ты, могущий каждодневно
шутя накрыть меня шапкой,
танцующего колибри!

ТЕМНОСРЕЧИНСКИЙ ЛЕС

Как заблудившееся стадо,
с вершин крутых, с откосов белых,
сорвалась в грешные долины, скатилась жизнь,
стекла ручьями,
слилась безлунными ночами, распространилась,
зашумела,
и вырос лес Темносречинский удушливым
зеленым адом.
Вверху, где холодно и чисто, сверкают
ледяные горы.
А здесь, внизу, в тепле гниющем,
бездонный торф рождает летом
ромашки ростом с человека, деревья
с мышцами атлетов,
и плотоядный колокольчик, и колдовскую
мандрагору.

Таятся ужасы ночные
в зеленой, хлюпающей жиже,
растут, плодятся и пугают
с насадным уханьем и писком.

Жизнь, с чистых изгнанная пиков, клубится
дыбится и брызжет,
и пляшут, сросшиеся грешно, стволы
в аду Темносмречинском.

ГОЛУБЬ

Сизоголубый купол вздумал обсушиться —
ветру крыла подставил в пухе шевелимом.
И все еще воркует громом, в далях длимым,
и голубем от страстной прихоти ярится.

В златоликое солнце дождь последний точит,
изукрасясь радуги семицветным брюхом.
И, как на голубицу, пасть на землю хочет,
чтоб к дивной, к ней, прижаться
истомленным пухом.

ЖЕНЩИНА-ИКАР

Женщина-Икар летает дольше —
она легче и меньше.
Она возносится в воздух, подхваченная ветерками,

и летит без надежды, улыбаясь как гейша,
и вдруг тяжело канет —
как камень.

ПРЕКРАСНЕЙШИЙ СОН

Снова снился мне мой сокровенный,
мой прекраснейший сон — несравненный! —
сон о плаванье в небе, как в море.

В мире сна — та же умная скука,
те же фразы: прогресс и наука
и закон тяготения в моде.

Я сижу там на их фэйф-о-клоке,
пьем из крошечных чашечек кофе,
чьи-то косточки перемывая...

Вдруг сбиваю тарелку с пирожным,
скок на стол — и движеньем несложным
я наружу в окно выплываю.

В небесах бирюзово-алмазных
слышу гул причитаний бессвязных,
крик, что дьявол унес меня в небо.

Целый город толпа запрудила,
вижу: свечи зажгли и кадила,
лица бледные необыкновенно.

Я плыву в голубые пространства,
а внизу — благоверная паства,
как смешны они, глупы, горласты —

и смеюсь я в надменной гордыне:
ведь летаю-то я, а иные —
лишь глазеть, а летать не горазды.

Ангелочком под облако взреяв,
отдыхаю на кронах деревьев,
хоть кричит полицейский мне что-то.

И, плывя по новейшей методе,
полной грудью дышу на свободе,
в лоб мне ласточки тычутся с лёта.

Догоняю пилота шального.
Кувыркаясь, он снова и снова
крутит петли, смертельно рискуя.

В хвост его самолету пристроюсь —
он к себе меня втащит за пояс,
будто кормчий сирену морскую.

Не целуй, не целуй, о пилот мой!
Не балуй в высоте быстролетной!
Слишком скорое будет паденье.

Худошав, смуглолиц ты и чем-то
чуть похож на святых кватроченто,
под крылом твоим быть — упоенье.

Я пешком возвращаюсь под вечер,
вижу, свет уже в доме засвечен,
я вхожу: ничего, мол, такого.

Все сидят, тишина гробовая,
отвернулись, очки протирая,
чуть покашливают — и ни слова.

ПАРИЖ

1

Морской соленый ветер матросским шагом валким
по городу прошелся, взрываясь пьяным танцем.
Весна видна повсюду — в подъездах и на свалках;
смеются мусульмане, мулаты и китайцы.

2

Кровавый отсвет неба над сумрачным Парижем
лиловее сегодня и пармским духом дразнит;
среди машин рычащих,
в их едком дыме рожем,
шальные мидинетки шныряют без боязни.

3

Куплю с тяжелым сердцем и сжавшимся как выдох,
я сонник в темной лавке на набережной Сены,
но снов моих значенье,
вчера еще забытых,
я не найду. Во мраке я слышу крик весенний.

4

Как рой мышей летучих, спешат студенты влиться
в кафе на тротуаре, светящееся теплым.
А мотыльки ночные,
с белилами на лицах,
блуждают в беспредельном пространстве полутемном.

5

«Пари суар»! — какой-то выстанывает голос
среди гудков и криков, в минутных промежутках.
Как брошенная птица,
свое выводит соло...
И я подвою тоже: «Пари суар»...
Как жутко!

6

На площади Согласья, в районе тьмы и тайны,
вечерней позолотой огни горят вполсилы.
Везет, как чуждый ангел, меня шофер случайный
сквозь пустоту, сквозь что-то,
что будет и что было...

Утопленник на зыби трясется в ритм фокстрота,
химеры на соборе несут под небом стражу,
как сна иероглифы, как памяти ворота,
и смотрят вниз на город
сурово, как на кражу.

Они тихонько воют на лунный свет незрячий,
теряющийся в лампах и розовых, и синих,
косясь туда, где часто столбом своим маячит
«вдова», парижский призрак
усопшей гильотины.

Толпа на тротуарах толчется зло и тупо,
рекламы пламенеют
на небе цвета вишни;
бегущая, цветная, светящаяся глупость
до самых звезд возносит свою земную хищность.

Река лежит, как камень, на метрополитене.
Между водой и сердцем судьба висит корытом.
Утопленница сверху, подобная сирене,

качается над сводом всю ночь
со ртом открытым.

11

Какой-то сиг линиялый сигналил глазом рыбьим,
залитым в желатинный, бесцветный, сладкий соус,
в то время, как испанец, мой бескорыстный выбор,
проходит, чтоб исчезнуть навек.
Рычит автобус.

12

Хотите на бульварах и в переулках узких
со спрутом побрататься,
подладиться к полипу?
Ах, если нет, бегите вы по лугам французским
домой, под сень широкой, зеленошумной липы.

13

Плыви туда, где ниже волна, где меньше мера,
ты, маленькая рыбка среди акул и сепий.
Сто тысяч шансонеток,
сложенных, как Венера,
твое растопчут сердце уверенно и слепо!

14

В ночных кинотеатрах не смотрят на экраны;
целуются в «Гомоне», в «Паласе» и в «Камее».

Кто это мог предвидеть?
Лишь я одна — как странно! —
маячу одиноко в пустых рядах скамеек.

15

Эйфель, исчадь ада, вонзив кривые корни,
растет, как грех, повсюду, на черный гриб похожий.
Мельчайшей из вселенных, все слишком велико мне,
все дорого и чуждо, как крокодила кожа.

16

Без теплого касанья не греют и не тешат
фиалковые солнца, рубиновые звезды,
и я бреду, как зимней аллеей облетевшей,
среди стволов замерзших, сквозь леденящий воздух.

17

А все вокруг пылает и плавится как в топке:
глаз черные уколы и юных листьев шелест.
Все об руку гуляют
по самым тайным тропкам
и думают, наверно: о Франция, ты прелесть...

Профиль белой дамы 1930

ЖЕНЩИНА И ЛЕТЧИК

Лежа навзничь в траве, средь шалфея и мяты,
ввысь гляжу на тебя, как в круженье лихом
ты жужжащим меня оплетаешь венком,
летчик, ты, мой святой, небом заживо взятый.

Как фарис, ты в небесной пустыне паришь,
но внезапно, с чужим, изменившимся ликом,
можешь прыгнуть, не ведая сам, что творишь,
и накрыть меня крыльями, в клетоте диком.

ТЕЛО СЧАСТЬЯ

Месяц спрятался в тучах, и в час этот поздний
простучали шаги запыхавшимся вихрем,
и в дверях на террасе украдчиво вспыхнул
темно-красный бутон электрической розы.

Сквозь стеклянные двери веранды заглядывая,
видит ночь, как в любовных объятьях крутящееся
тело счастья, что было разорвано надвое,
возвращается к жизни, срастаясь, как ящерица.

ОСЕНЬ

Осеннего кровотечения ничто не остановит.
Каплют парки алой влагой и дикой.
Осень открыла вены
и стынет, и воздух ловит —
смертельно сонной
Евникой...

Мек-сырец
1932

ДОМА В ГОРОДЕ

I

Короткие дымные трубы — как башни без цели
и склада.
И труб водосточных корыта, где плещутся дни
и недели.
И грустные гнезда балконов, пристанище старых
и слабых,
с чугунной могильной решеткой, с подкладкой
из плесневой цвели.

Внизу, точно в цирке убогом, меж хриплым
шарманочным зевом
и старым больным попугаем, что тянет
счастливые числа,

певица немилостью божьей склоняется земно
без гнева,
ища отступные монеты, как блестящие, лишённые смысла.

Кривые евреи с мешками пронзительно стонут:
торговля!—

и кашлем заходятся резким, вползая
в прогнившие сени;
ночь лампу луны поднимает и светит на ржавые кровли,
на стекла незрячие бельма, на чёрные плиты ступеней.

II

Среди этих сфинксов кирпичных,
немых, безголовых и жалких,
весна проявляется смутно, как призрак без формы
и веса,
дождем обозначившись только,
грохочущим ливнем Зевеса,
чье золото жадно глотают лимонные корки на свалке.

III

Врезая скрипичные ноты
в небесный ошарпанный камень,
крикливые ласточки чертят
зигзагами светлую площадь;

кровавая роза заката на землю сорит лепестками,
которые в стынувших лужах
от розовой краски полощут.

IV

Однажды на верхнем балконе, в потоках
открытого света,
раздетая девушка села Сусанной в воздушной купели;
ее золотистое тело глаз жадных косые лорнеты
стократно тотчас отразили сквозь все
потаенные щели.

И три этажа, как три старца, глазели
мучительно-плотски,
скрывая бессильную жажду брезгливой,
нахмуренной миной,
она же как прежде сидела на каменной, узкой
полоске,
подставив влюбленному солнцу
свою обнаженную спину.

И НИ КУВШИНКИ

И ни кувшинки, чтобы уцепиться,
во всем огромном озере небес,
в котором сердце тонет...
Кто погадает о моей судьбе

по лету самолетов,
чей рокот слышится издалека?
Из розовых мансард несут касатки вести
для молодых пилотов,
прорвавших облака...
Земля встречает тьму,
стихает гул моторов,
ночь надевает траур —
кто знает по кому...

ОЖИДАНИЕ

С воздушных берегов, печальных, словно ланды,
смотрю в просторы неба-океана,
где мой единственный плетет гирлянды
из мертвых петель
смелых иммельманов.
Весь день молюсь и жду в тоскливых ландах —
пока взойдет луна, воздушная Исландия!

СПАЛЬНЯ

О, спальня в радужной дымке,
небо банальное,
брачный кров!
Бескрайняя спальня,
сердец неумных зов!
В углу, как комар, звенит
самолет-невидимка.

БОЛЬНОМУ

Отлежись на помойке среди гнилой капусты,
съешь бурое яблоко в прыщах серо-белых,
найди в истлевшей кости выеденный вкус ты,
пусть грусть на ней отсвищет тему оробелых.

Дождями в слизь размойся, разложись на части
труждением листопада среди гнилой редиски.
Обнюханный собакой, утеравший пясти,
по ветру упусти ты лист газеты склизкий.

На койке лазаретной ты по доброй воле,
а это топь, в ней сгинуть — проще, чем в могиле.
Ведь в россыпях росинок снилось тебе поле,
как будто в травах утра градусник разбили!

Сердечки малых белок без опаски бьются
в аллегро безупречном, трепетном и жарком.
А твоего — удары тяжело отдаются,
и жизнь в тебе дрожащим теплится огарком.

Ты вспомни дуб могучий, доблестный репейник,
целебную малину, очи стройной серны;
в тебе же — мир огромный! Кашля рви ошейник!
Пилюли к черту выплюнь — средоточье скверны!

Не стыдно ли бессильно принимать визиты,
довериться лекарствам, вздохам и уходу,
когда — раджа больничный — бледный и умытый,
лежишь, а все не дышат немочи в угоду?

Неужто же не знаешь — только гордость лечит,
но не питье грудное, не могила-койка?
Гляди! — крючком старьевщик тронет твои плечи
и смрадно приголубит тихая помойка!

Открой же настезь окна дерзко и отважно!
Ты жив! В твоих объятьях пискнет пусть сиделка!
Ложь редкостной микстуры выплсни бесстрашно,
и пусть резиной теплой всхлипывает грелка!

Ты — механизм, но ты же — сам себе механик;
чини себя, старайся, каждый винтик почувствуй!
Здоровья своего же — данник и сохранник,
живи и, ради бога, больше не кощунствуй!

МЯСОПОЖИРАЛЬЩИКАМ

Для них шевелят рыбы жабрами в лохани
с безмолвьем в ртах кровавых, ибо не уснули.
Для них на гулкой кухне кровью бьют гортани,
когда скрутили шею или полоснули.

Они всосут трагичность с кровью мертвой утки,
детей коровьих сварят — малых сих теляток.
Съедят их требушину — с кашею желудки,
и корм сей им и семьям в день воскресный сладок.

Отвары обожают ножек перебитых,
гирляндами сжирают наглые колбасы,

лущат багровых раков, в кипятке добытых,
едят бараньей плоти бурые атласы.

Размазывают трупы на невинном хлебе,
обнюхивают зайца — мягок ли, сколь надо,
язык вкусивши мертвый, пребывают в небе,
и краденому мозгу все в их душах радо.

С ухмылкой гиеней алчут мертвоеды,
загривами набрякнув, свеся в складках лица.
Жрут грустные закуски — божьих тварей беды,
и, как от новых кладбищ, пар от них точится.

По серне дивноокой траур не наденут,
сглодав ее на тризне чтимого сочлена,
но на паштет гусиный гнусный взгляд возденут,
неукротимы чревом и лысей колена.
А в остальном — убоги и неинтересны
и — разве что — столице чавканьем известны.

МАТЬ ПРИРОДА

Дражайшему Бою-Желенскому

Пышнотелая баба — входит Мать Природа,
взгляд на часы бросает, словно из причуды,
садится тяжко в кресла около комода
с ухмылкой Джоконы, лиса или Будды.

Покорно на коленях кто-то ее молит,
врачи вокруг толпятся, но — как бы немая —
за сутки ни словечка гостя не промолвит,
первородильным стонам даже не внимая.

Плачущей старой даме за плечо заглянет,
в угол, где колыбелька скоро сутки стынет,
а после у окошка вслушиваться станет,
как соловей сердчишко в небеса закинет.

И вроде с добродушным, но лукавым взором,
среди запахов лаванды, пота и лекарства,
то рукава засучит с рвением не спорым,
то вдруг задремлет в креслах как бы из коварства.

Но вопль едва истошный станет биться эхом,
и о щипцах зашепчут или кислороде, —
праакушерка встанет и поможет спехом —
еще ведь ждет котиться кошка в огороде...

ОЛЕНЬ

Олень! увидел меня — и дрогнуло сердце?
Скорее — вбок, прочь,
в зеленые закоулки,
сквозь ветки унося ветвистую корону.
Ахнул ветер, дуб голову мраком покрыл,
как тогой.
в буковых часах лопнула пружина кукушки...

А это не смерть, олень мой,
с прищуренным глазом,
со вспышкой дула у шеи.
Это сестра, это любовь,
кто-то живой, кто-то простой, как ты,
и стал бы тобой —
с этим блеском в зрачках,
с головой вознесенной —
и, как ты, упадет сраженный.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДЕРЕВО

Ты родина моя, о море голубое!
Во мне твой грозный пульс бурлит приливом алым,
мой родословный ствол под пеною прибора
возносится со дна причудливым кораллом.

Мой серебристый хвост разрезом разделили,
меня палит огнем земного солнца ласка,
мне стоит каждый шаг мучительных усилий,
как бедной деве вод из старой грустной сказки.

И каждая волна меня возносит к жизни,
я жажду глубины свободной и зеленой,
а в память вечную моей былой отчизны
из глаз моих течет поток воды соленой.

СЛЕЗЫ

Подай мне плащ — дождь, сырость...
Покончено, значит, с летом...
Это не дождь? Это слезы скатились
с какой-то далекой планеты...

ОСЕНЬ

Розы осенние скрыты
под дождевой пеленою.
Тучи к земле пришиты
мокрой нитью живою.

Все неладно и криво,
мокро, гнило, раздето.
Что ж! сейчас несчастливо,
не навсегда же все это.

БУКИ

Плетенье ежевики
лениво путается
в тени, где нубийскою наготой
возвышаются буки,
воздевшие руки. На их вознесенье
усердный дятел выковывает
солнечные браслеты.

Спящий экипаж 1935

СПЯЩИЙ ЭКИПАЖ

В осеннем вихре,
В рыжей метели
Лодка за лодкой
Стремится к цели.

Это акаций
Флот серебристый,
Матросы-зерна
Бронзоволицы.

Сидят согнувшись
По шесть, по восемь,
Рули и весла
Во сне отбросив.

Если их лодка
Закувыркается,
Шепчут, проснувшись:
«Бог и Акация!»

КАНАРЕЙКИ

Кенарь, подарок, премия лета,
Солнечный зайчик, пятнышко света,
Пленник мой бойкий, узник мой звонкий,
В яркой манишке, в желтой коронке,
Крылья расставив, мчится по кругу,
Трелью к зеленой ластясь супруге,
Колоратурой жалобной, острой,
Звуком мятежным, резким и пестрым.
А канарейка, сбившись в комочек,
Вся, словно сердце, страстью клокочет,
В клюве и в лапках, в перышке каждом
Полная жгучей, пламенной жажды.
Он же, хмелея, млея от звуков,
Преобразившись в узкую рюмку,
Брызжет шампанской пеной шипучей,
Мнет и сжигает, треплет и мучит.
Вдруг, подскочив к ней быстро и близко,
Он переходит в тихие писки,
Требуя, молит, просит упорно,
Вновь рассыпает звуки, как зерна,
Ласков и нежен, щедр и неистов,
В честь наслажденья, в честь материнства.

И напоследок, жадно и скоро,
После молений, просьб, уговоров,
Собственным телом яростно мечет
Он на подруги сжатые плечи,
Сыпля все ярче, злей и чудесней
В сумрак экстаза искрами песни.

ТЕАТР

I

На сцене плачет артист.
Довольно натаскан.
Весьма голосист.
Сентиментальные зрители
Расхлюпались тоже.
Но пуще всех в ложе
Плачет сам автор театра местного —
Олух царя небесного.

II

Места забиты народом.
Как соты медом.
А на галерке прячется автор,
Ему сладко,
Он упоен и счастлив, как пчелиная матка.
И что-то творится в душе щелкопера.
Ему нравится столпотворение,
Вызывавшее прежде презрение.

БЕЛКА

Петрушка, белка, комочек юркий,
С брюшком монаха, с глазами турка,
Ушами черта, хвостом лисицы,
Философ, комик, жонглер и птица,
Разгрызть стараясь как можно лучше
Орешек кедра — зубок пахучий,
Орех лещины вскрывая ловко
И грецкий — больше ее головки,—
Она внушала всем видом важным,
Ужимкой всякой, повадкой каждой,
Что даже в завтрак вложить должны мы
И убежденность и одержимость.
В игре случалось куснуть меня ей;
Но, чувству дружбы не изменяя,
Она следила — само вниманье! —
Чтоб не обидеть, чтоб не поранить.
Ее сердечка любовь и вера
Для всех могли бы служить примером,
Как бы вещая: ну, что за штука
Стучать — и только — спокойным стуком!
А как разумна! Всегда и всюду
Был виден трезвый, прямой рассудок.
И если белка с довольной миной
Пила чернила и ела хину,
То, значит, в этих деликатесах
Она признала подарки леса:
Листва рождает чернильный дар свой,
А ствол зеленый дает лекарство.

Пустой орешек средь сотни прочих
Бывал опознан и прочь отброшен.
Носясь вприпрыжку, роняя наземь
Стаканы, блюдца, цветы и вазы,
По мне взлетая легко и скоро,
Возясь часами с моим прибором,
Она давала урок игры мне:
Как сердце выгреть от спячки зимней.
И, поцелуи мои приемля,
Она как будто прощала землю,
А губ и носа немая ласка
Была подарком забытым, райским,
О люди, знайте! — запретным плодом
За плотоядность и за охоту.
Но как-то случай ужасный вышел:
Прижали двери комочек рыжий.
Влачится белка с паркетом вровень,
Вся в костном мозге и в брызгах крови,
А хвост красивый, лесное пламя,
Упал как знамя, увял как память.
В глаза глазами — сквозь боль и слезы,
Без отпущенья и без наркоза,
Она дает мне урок молчанья,
Платя за счастье существованья,
И отчужденно, темно и гордо
Берет у смерти орешек твердый...

КРОКУСЫ

Фаланга лыжников в коротких куртках синих
Спустилась с гор и замерла в долине,
Бросая тень
На белый плащ земли — — —
А это крокусы
Над снегом расцвели.

МЕЩАНСКИЙ БУФЕТ

Буфет-катафалк,
Где всякого масса:
Хрусталь, серебро,
На ребрышке мясо.

И окорок там
Лежит неопратно,
От солнца на нем
Лиловые пятна.

Желтеет вблизи
Кусок солонинки.
На солнце кадриль
Танцуют пылинки.

Блестящие мухи
Слетают со стенок.
И все это носит
Могильный оттенок.

Лишь матери руки —
Движеньем избранниц —
Кладут бутерброд
В ученический ранец.

НЕМОДНЫЙ КАТАФАЛК

Скорбные катафалки!
Сколь вы пошлы и жалки!
Плевая авантажность,
Нищая маловажность.

Слободское барокко,
Рококо, стрептококко,
В жестяных позументах,
В коленкорových лентах...

Факельщики потешны,
Ангелы безутешны, —
Рвут на себе одежды
И живут без надежды.

Фонари свыклись с тряской
И серебряной краской...
О спесивые дроги,
До чего вы убоги!

Смерть, она изменилась,
Стихла, впала в немилость!

Ездит в сношенной рвани
На облезлом рыдване...

В презентабельных урнах,
В завитушках мишурных
Ей судьба — скоротечно —
Стать немодной навечно.

Человеческий гений
Пожалел вдохновений,
И эскорт погребальный —
Неизбывно банальный...

Смерть! Рыдван без оконца
Средь клаксонов и солнца!
На заштатных подмостках
Вымрешь в жалких обносках...

Станешь пиршеством моли
При фанфарной бемоли.

Балет вьюнков 1936

БАЛЕТ ВЬЮНКОВ

Запад погас...
Вытянулись, легки,
Бегут, белеют
Вьюнки,
Балет времен Дега...
Трепет юбок,
Полет, наряд —
И замирают
Sur les pointes.

ДУШИ РОЗ

Всем, всем расцвести желанно!
Бьются, разум теряя,
За место — сладкая участь
В полоумье мая!

Но места всегда — так мало!
И вот иная — девицей,
А та, что проиграла,—
Розой в кустах загорится.

И где-то невеста розу
Горячей рукой терзает,
И где-то над мертвой невестой
Роза цветет, сияет...

МИР МОЛВИТ

Мир молвит, бледнея в волненье:
«Рыбье хочешь перо?

или птичье?

Выбираешь инстинкт или душу?

Рык рокочущий?

Свист синичий?

Мотыльковой желаешь воли?

Весенних соков и пыла?

Или — стать исчадьем недоли,

Как незримая тварь, бацилла?

Хочешь ценным быть?

— Будь алмазом.

Хочешь — стань мелькнувшая линия,

Затаенная тайным лазом?

Целомудрия хочешь?

— Вот лилия.

Жаждешь дерева быть не ниже?

Ищешь ниже быть, чем пролеска?

Красоты?

Проворства?

Гротеска?

Не зевай, не пренебреги же!»

ПОДСОЛНЕЧНИК

Дорастаем до твоих познаний,

До высокой мудрости твоей,

О цветок, примером взявший солнце!

Темные тугие семена

Издавна нам хором предвещали

Солнечное темное ядро,

А корона желтых лепестков —

Фотосферу.

Дикое дыхание корней

Густо обволакивает стебель,

Или, может, это — запах солнца,

Что ты предвкушаешь?..

ЕСТЕСТВЕННЫЕ МОЛИТВЫ

Паук водяной просил о том,
Чтоб домом служил ему воздух,
Клен — о пропеллере золотом,
Роза — об иглах острых.

Так, значит, есть ты, о сила сил,
Коль скоро все тебя просят!
Но нужно так уметь попросить,
Как клен, как паук и роза...

КОСМИЧЕСКИЙ АРГУМЕНТ

Правый выбрал путь направо,
Неправый — налево,
Ждет Неправого расправа,
Висельное древо.

Пал Неправый на колени:
«Пощадите!» — молит.
Правый глух на все моления:
«Нет пощады!» — молвит.

Заслонил рукою шею Неправый пред Правым!
Ветер виселичный воеет,
Приклонились травы...

Правый смотрит непреклонно,
Правый чтит лишь право,
Хоть в груди у него сердце
С л е в а , а не справа.

СМЕРТЬ КАРИАТИДЫ

Каська, мрамор наш польский,
Брызжет лазурью,
А голова создана для веселого солнца,
Ей же велели терпеть на себе
Безобразье балконца,
Нагроможденье мещанского дома,
Сварливого ада...
Легче балкон удержать,
Чем свое распаленное сердце!
Мрамор слабел и слабел
И рухнул, подточен любовью...
Метлы посмели дотронуться!
Над Кариатидою — Касей
Вслух издевались ступеньки,
Когда она вязла в грязи,
Всеми забытая.

. . . . .
Больница,
Касю принявшая,
Белой была и огромной,
Бьется в горячке
Тело богини вчерашней,

И погибает она со словами служанки всегдашней:
«В погреб уже опускаюсь...
За углем...
Темно мне...»

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦВЕТА

Белый и кровавый,
Полотняный
Мокрый бинт, который флагом назван,—
Вся ли кровь ушла в твои извивы?
Ветер треплет свежий оттиск раны,
Ввысь вздымает гордую повязку,
Эту память,
Этот долг
И вывод.

БЕЛЫЙ КОНЬ В РАБАТЕ

Арабский конь из косяков султана,
Двум Коссакам ты снишься непрерывно —
И стать и очи, полные огня.

Весь вздыбленный и как волна взметенный,
Кипишь, меняя образ обретенный,
Несешь свои чепрак и стремяна!

И пляшет тень твоя струею синей.
Раздуты ноздри пылкостью звериной,
И блещет шерсть кипящим молоком...

И так привык к всеобщему восторгу,
Что лишь со лба отбрасываешь челку,
Гордяся быть конем — не седоком.

Любимый и расхваленный досыта,
Ты так надменно подаешь копыта,
Как руку к поцелую подают...

Творец! — ты так увидел форму чисто,
Что восхищаюсь мастерством артиста
И бескорыстьем — нет расчетов тут...

ПЕЧАЛЬНЫЙ НЕКТО И БЕДНЫЙ НИКТО

Некто мается тоскою
И бессонницей
ночною.

На столе трепещет свечка,
Вою ветра вторит
печка.

И Никто по непогоде
Подвывает
в дымоходе.

Некто злой. Он всем владеет.

А Никто в печи
скудеет.
На земле и дома скверна,
Им обоим очень
скверно.
Но Никто на грустной флейте
Напевает
о рассвете.
Стать Никем хотел бы Некто,
Но расслышал — плачет
флейта.
Слышит... Головой качает.
Пистолет
отодвигает.

НЕДОРАЗУМЕНИЕ

Вот светлый нимб: галактики сиянье.
Песнь соловья — со звездами слиянье,
Прочь от земли стремящаяся трасса...
В жасмине — шелест.
Кошка серой масти
Мечтает:
«Распевающее мясо
Даст знак сейчас — где на него напасть мне».

II

Как же ты посмела писать о розах,
 Когда полыхала история, как бор в засушливой гари?

Нынче в библиотеках обдувает хранитель
свитки и циклы,

А за окном, по весне возвратясь,
 Сафо поет соловьем,
 Как сердце прикажет.

III

Как тогда, в Митиленах,
 Как на всем Лесбосе,
 Чуждая ясным божкам, лесным и приморским,
 Падала любовь, под бременем плача, ибо
 Была как ныне — сладостно-горькой.

IV

Сафо с пушком над губой,
 Сафо фиалкокудрая,
 Когда в сердце ее ужалил Эрос,—
 Заглядысь на восходящие Плеяды,
 Сказала ему:

GLUKUPIKROS¹...

---

¹ Сладко-горький (греч.).

Смуглая Сафо, Сафо длинноокая,
Малая, неприглядная, как соловьи простые,
Полюбила некоего Фаона,
Моряка красоты превосходной,
Который, несмотря на юность,
Ненавидел лирику
И особенно — сафическую оду.

Как же была ты перед ним, сестра, убога,
Ты, несметных демонов уловлявшая в сети!
Как покорна в руках его крепких!
Ах, что за вещь — соловей без своей рулады,
Соловей глазами глухого?
Что жасмины, что нарды,
Что фиалки для лишенных нюха?
Что для спящего обаяние светлой ночи,
Западного ветра арфа?
Сафо!
Вдохновенная!
Вот и дождалась заслуженной награды
От некоего Фаона.

VI

Поэт, самоубийца,
Распустив фиалковые кудри,

Стоит у моря...

«Сафо, что тебе нужно?»

— Нужно мне на голову накинуть море,
Чтобы слез моих никто не видел...

О НЕЙ

Божок любви несуразный,
Уродица, калека!
Крыльям небо маячит,
Грудь за крыльями мчится,
Заглядысь — высоко, далеко!
Но тяжкие твои бедра,
Стопы твои цыплячьи
С землею не разлучатся.
И прах тебя не осилит,
И в небо не отпустит
Смутноокий урод, сладкоустый!

СОЖЖЕННЫЕ РУКОПИСИ

Когда на черных кострах
Жгли строки Сафо поблеклые,
Дымы взметнулись как розы;
Тяжелые, хоть бысролетные,
Облаком плыли в веках.

Я с ветром вдохнула их в легкие —
Стихи не рассыпались в прах.

АКВАСТИХИ

* * *

Скамья над водою, поросшая мхом,
Надгробья могильного глуше.
Здесь двое влюбленных когда-то ножом
В два имени врезали душу.

Быть может, нет их уже в живых
И в землю их прах сложили.
А если живут, полюбив других,
Так тоже, как если б не жили.

* * *

В крючке и нитке, в рыбке безымянной —
Соблазну вод противобраз веский;
Они — твоя защита от нирваны,
Влекущей сеть серебряного блеска.

В тебе не вспыхнут белых лилий звезды,
Ни солнца два в удвоенном зените,
Ты не сорвешься в невесомый воздух,
Удержанный упорством тонкой нити.

Иной замрет затравленно и робко,
Почуяв правду этой синей бездны, —
А ты следишь за пляской пестрой пробки
На пограничье водном и небесном.

РУИНЫ

I

Стена с окном, пробитым в небо,
А у подножия холма — ворота,
Ворота для себя, не для кого-то;
Кузнечик может заглянуть сюда
Или заря, каскады света льющая...
Ворота ниоткуда — в никуда,
А может быть, из прошлого — в грядущее.

II

У древнего замка, у его кирпичного тела,
Людскою рукой сотворенного
И Природою расчлененного
Скалоподобно, сурово —
Стоят изумленные путники,
Не проронив ни слова.
Стена, развалины башни, синяя щель окна
Прекрасны, словно Природа, Ибо это уже Она.

III

Кирпич обреченный,
Добыча некроза,
Струится со склона —

Здесь время задержалось у меты,
И ветер
Покачивает линзу скабиозы,
Как разболтавшийся в оправе аметист.

ЭПИТАФИЯ ВЛЮБЛЕННОЙ

Мира и яви принявшая схиму,
Земной надевшая саван,
Лежала когда-то,
Поцелуем томима,
Крестом на травах.

БУРЯ

Бегут с перепугу тучи,
Даже груза дождей не сбросят —
Так люди, гонимые страхом,
Скудный скарб свой в узлах уносят.

Пишет гром зловещее имя
Леденящим росчерком жгучим,
Предвещая бури земные
И смятенье народам — тучам.

ВНУТРЕННИЕ КРЫЛЬЯ

Ты сквозишь изнутри временами
То в глазах, как лазурное пламя,
То в летящих волос позолоте,

О стрекозка, душа, о Психея,
Чьи прозрачные крылья в себе я
Ощущаю, тоскуя о взлете.

Слышу я, как летунья шальная,
В теле гусеницы изнывая,
Бьешься в стены груди моей узкой,

Ищешь выхода, вылететь силась
Из меня, что за лист зацепилась
В жированье, в заботе капустной...

Роза и Обращение

1940

МОРЕ И ГОРОДА

I

«Black-out»¹ в морских глубинах длится
бесконечно...

Бесшумно движутся громады хищных чудищ,
Страшась одни других. Порою свет мигнет,
Пугливый синий свет, и поскорее гаснет...
Тревога. Паника. В смертельной схватке — тени...
Сцепились. Падают, растерзанные вдрызг...
Темно, как в Лондоне военном. Как в Берлине.

---

¹ Затемнение (англ.).

О, сумрак разума, «black-out» людского духа!
 В потемках старой книгой портить глаз не стоит...
 Не разобрав, прочтешь, того гляди, не так
 Любую заповедь... ну, например: «Любите
 врагов ваших»... О чем тут речь? Не понимаю!
 До света подожду... Ах, Лампа Доброты!
 Приказано тебя мне погасить.

ЭЛЕГИЯ

Землетрясение по воле темных недр
 Цветущих городов уничтожало гнезда,
 Земля, как злая мать, детей своих с колен
 Внезапно сбрасывала, гнев являя грозно.

Страшнее недр земных стал по вине людей
 Благого неба свод. Теперь уж навсегда!
 Неудержим «прогресс», тот, что сперва дымами
 Сквернил лазурь небес, а ныне — человеком!
 Кто ж остановит рост ошибки, коей был
 Валет человеческий?

Икар разбился. Крылья
 Не людям писаны. Они пришли неожиданно,
 Из рук недобрых сил, с надменностью, с гордыней,
 Используя огонь, отчаянную скорость,
 И с грохотом, во тьме, как бабочки ночные,
 Душу незрелую они взметнули ввысь.

«Вот ангел-человек летит!» — воскликнул мир,
Но вдруг уразумел. И замер в ожиданье...
Творенье рук людских, крылатое, хищнело,
Путями Каинова вдохновенья идя.
Моторы расцвели как звезды, но не божьи.
Презрев своей косою, смерть села в бомбовоз.

Уж больше, небосвод, не будешь утешеньем
Для мысли страждущей! Безумие и злоба
Закроют тучами простор твой вновь и вновь.
Когда ж тому конец? Уж не с концом ли света?
Не снега кружева и не дождинок четки,
А бомбы, тонны бомб, как огненные кегли,
С того же неба...

РИФМЫ

Забавя милая, моя игрушка,— рифмы!
Шкатулка, полная бус, лент, камней блестящих;
Я, как сорока, собирала вас; любуюсь,
Пересыпала вас с ладони на ладонь...

Сегодня не могу к моим словам тяжелым
Приладить ленточку цветную — не могу
Цвет к цвету подобрать, звук к звуку...

Что ж, прощайте,
Безделки давние то ль мастерства, то ль детства,
Вы, ассонансы, вы, которым блеск давала

Изобретательная беззаботность... Ныне
Ты, ритм, один веди тоскующую мысль,
Чеканя твердый шаг. Военно и сурово,
До часа Возвращения.

ГОД СЕРДЕЧНЫХ ТРУДОВ

Кончается тот год, что весом равен веку...
От сентября Варшавы по холодный, мгlistый
Настороженный август — был он весь волнением
Сверхчеловеческим. Я познавала счастье
Любить всё новые и новые народы,
Как некогда любить могла людей отдельных.
О сердце, ввергнутое в грозный вихрь событий!
Я, как склонившаяся над землей богиня,
Узнала сладостную боль: любить народы,
Их обаяние. Вдруг, на моих глазах,
Народы падали как срезанные розы
Или, как облака, меняли облик свой.
А я, о них тревожась, плача, их звала
По имени. Весь год мое трудилось сердце.
Как много места в нем и мужественной силы,
Когда рождается в нем страсть
к народам слабым,
Прекрасным, горестным, как люди...

ПЛЕННИЦА

Была ты пленницей, военною добычей,
Трофейной розою, даруемой султану,
Ограбленных земель сокровищем ценнейшим,
Перед собой в седле в объятиях несомым,
В сияющих лучах звезды любви, Венеры, —
Жестокий, вражеский восторг пред красотой.

Теперь крылатый враг, гриф с человеческим ликом,
Летающий над тобой, красой пренебрегает:
Он жаждет лишь убить и больше ничего,
С железным сердцем враг, пылающий к тебе
И к сверстницам твоим, бегущим через поле,
Лишь страстью убивать и похотью стрелка...

Жертвенный труд 1941

БЫТЬ ЦВЕТКОМ?..

Расцветают. Молча громоздятся
На решетку сада, на шпалеры...
Пленники? Статисты? Декорации?
Так легко их прославлять без меры,
Но цветком быть...

ЗВЕЗДНЫЙ ВЕЧЕР

Цветник созвездий ярким узором — — —
Небо. В зените: Лира — — —
А там Венера, что всех прекрасней...

Я — без звезды. Лишь след метеора —
Мой — тот, что бледным светит пунктиром,
Мой — потому что гаснет...

РОЗА, ЛЕСА И ВЕСЬ МИР

О розе ли жалеть, когда горят леса —
Жалеть ли о лесах, когда весь мир горит,
Когда планета вся становится Сахарой...
Планету ли жалеть, когда разверзся хаос,

Бог, бомбой взрывчатой земного шара,
Попавшей прямо в грудь ему, убит
И львом восстал, от гнева задыхаясь! —
Когда чернеет ночь, наш траур углубя...

. . . . .

И все же розу жаль мне... и себя...

Стихотворения последних лет

ЗЕЛЕНЫЙ ГОРОД

В целом Кракове листья лоснятся
после июльского ливня,—
двузеленые в лунном свете
и в изумрудном сиянье
фонаря на углу Звезинецкой...

Краков, тенистые кущи...
Чащи жасминов, каштанов,
рай зелени, птиц поющих...

Краков — лес, там шушуканье, шепот,
там поцелуй и вздохи,
стихающие в объятьях...

— нет, лишь эхо команды немецкой.

В ДОЖДЬ НА БЕРЕГУ МОРЯ

Окутанную мглой, как серой пряжей,
Кто отличит меня от хмурых пляжей?..

Я кроюсь в серость, птичью или мышью,
Богата грустью и нарядна мыслью.

Капли, что тщетно бы долбили скалы,
Стоят в глазах. И дождь идет, усталый.

Как будто польский дождь — на здешний берег,
На этот берег, что слезам не верит.

ВОСПОМИНАНИЯ С ЛУГОВ

Репей колючий, рослый, остроклинный,
Цветной иглой заброшенный в пшеницу, —

Шиповник придорожный, что пылится
В сплетенье трав, крапивы и малины, —

Раскрывшийся на солнце спозаранку
Цикорий, как желток яйца вороны, —

Гвоздики алой крошечная ранка,
Полыни серебрящаяся проседь —

Как дорого с меня теперь запросит
Судьба за вас, бесхитростных и скромных...

ЧУЖАЯ ДУША...

Мягкой паутиной состраданья
Тщетно льнешь ко мне ты. Зря тревожишь.
Не касайся. Слишком наболело.
Я ведь рана сплошь. Столь страшной ране
Паутиной с хлебом не поможешь,
Только солнцем родимого неба...

ДЛЯ МИНОТАВРА

I

Море, чей цвет под стать гиацинту,
Мчало ладьи под черным флагом.
Молодость и красота в них плыли,
А почему — знают лишь боги,—
Для Минотавра, к его лабиринту
Плыли безмолвно,
с горькой отвагой.

Так было прежде. Наши тревоги
Нынче все те же.

II

По семь юношей и красавиц
Требовал он от Афин ежегодно.

Нынче берет молодых миллионы.
Мир их покорно на жертву бросает.
Он их бодает рогами тупыми,
Стонами тешит бычьи уши,
Цвет мирозданья в куски разрывает.
Дым из ноздрей — задыхаются в дыме!

Люди земли, уничтожьте войны!
Хватит быка услаждать молодыми!
Новый Тезей, спаси наши души!

СОН

Во сне я шла и шла, куда меня влекло,
и очутилась вдруг на черновейском тракте,
откуда Краков уж недалеко...
Там, ежевичником укрыты колким,
цвели въюнки, белея чистым шелком,
чуть необычны по величине,
как парашюты фей, лежащие на травке.

Красноречивый сон! Тоска, плутая снами
и выхода ища во сне,
волшебный парашют рисует в подсознание.

ВОЕННЫЕ РУБАИ

BLUE SKY

Как светел неба голубой лоскут
Сердца и очи с упованием ждут,
Чтоб не давало на своих просторах
Вести охоту, где друг друга бьют.

ЗДОРОВЫЕ МЕСТА

Счастливо свищут птицы на лесной
Опушке — чистой, ясной, травяной,
В местах, всесветным гнойным воспаленьем
Нетронутых — ужасною войной.

БЕЗУТЕШНЫЙ КУСТ

Гром отгремел, явился солнца лик,
Куст розы, куст жасмина ожил вмиг,
Один лишь куст — куст нервов человека —
После грозы, изнеможенный, сник.

МАКОВ ЦВЕТ

На поле, где боев недавних след,
Распустится кроваво маков цвет.
Сорняк ничтожный прошумит на взгорье,
Где юные лежат, которых нет.

МОРСКОЙ ЗВЕЗДЕ

Звезда морская! Сохнешь от тоски,
Прибоя ждешь, чтоб хлынул на пески.
Пять рук своих протягиваешь в муке,
Как я своих несчастных две руки.

РАЗГОВОР С ХАЙЯМОМ

Хайям, счастливо решишь в полумгле,
Вдали от нас, погрязнувших во зле.
«Зато у вас возможно быть поэтом —
Прекраснейшее дело на земле...»

ЦВЕТ МОРЯ

Изменчив моря цвет: над глубиной
Простор воды то синий, то стальной.
Когда стальной — оно как поле смерти.
Тот грозный цвет объемлет шар земной.

АПОКАЛИПСИС

Глад, Огонь, Война и Мор. Что ж в том рассказе
Не сказано, хотя б в короткой фразе,
О пятом Зле: из неземных трясин
Вслед за Войной ползущей страшной Грязи?

СМЕРТЬ ОТ ЛАВИНЫ

Лавина зла ползет губить народы...

Счастлив Карлович, что в иные годы
Погиб, что был убит в горах высоких

снарядом снега,

Рукою чистой девственной природы!

СТРАСТОЦВЕТ

Цветок раздора мир заполонил
Своим цветеньем алым, полный сил.
Так страстоцвет, цветок шипов и терний,
Цветет
До поздних осеней от ранних зим.

ГОРНЯК, ЗАСЫПАННЫЙ В ЗАБОЕ

Бредя вдоль моря, словно по забою,
И страшный купол чуя над собою,
Я звук кайла — освобожденья — чаю,
От всех своих засыпана судьбою.

ГАДАНИЯ

Вещие карты, сон ли, примета...
Когда ж вернемся? — Ищу ответа.
Или в то лето? Или в ту зиму?
Или вдруг завтра — но с того света?

СОВРЕМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Когда нелюдской, металлически-синий,
Шагал он к войне, — задрожала природа
И молвила, страх ощутив замогильный:
«Крылатый, одумайся, — слишком ты сильный!»

С ЧУЖБИНЫ

С чужбины вслушиваюсь. Тихо? Значит,
Вот-вот уж ворон «неверного» закричит?
Весна весной сменяется... О люди,
Там кто-то жив еще, там кто-то плачет!

БЛИЖНИЙ

Нам стало чуждым это слово «ближний» —
Увяло и кровоточит как рана...
Ушло оно? Или очнется к жизни
Прекрасным утром, внятно и неожиданно?

СКРОМНЫЕ ЖЕЛАНЬЯ

Вы, оптимисты, в дни военных маршей
Одним желанья ограничьте ваши:
Чтоб чудо скромное сбылось —
Зла и Добра
Уравновесились бы снова чаши.

СВЕТОПРЕСТАВЛЕНИЕ

Поломались ступени в лестнице Творенья:
То не пчелы, а люди жалят, летя вслепую,
То не птицы, а дети прячутся в сень лесную,
И не цветы, а женщин
Кто-то на всех дорогах втапывал в грязь, лютуя...

СОВРЕМЕННАЯ ЖЕНЩИНА

Она теперь почти что марсианка,
Туч амазонка, вихрей маркитантка!
В огне зачатых Роботов родит вам,
На службу авиации и танкам.

ОТЧАЯНИЕ

Не спустятся за мною птицы с небосвода,
Ни крот мне не покажет подземного хода
Из Англии к дому,
Ни Бог с войны проклятой не скотит ни года.

ТВОРЕНЬЯ ЧЕЛОВЕКА

Люди родят машины. Как старшая к младшим,
Приглядывается Природа к нам
и к твореньям нашим...
Ведь и Природа тоже (будучи помоложе)
Питала слабость к монстрам — но менее страшным!

ФИЗИЧЕСКАЯ БОЛЬ

Воем бомб не встревожен и снарядов свистом,
Кто не бился в страданья капкане когтистом.
Смысл всего он познает, лишь когда внезапно
Боль, как Бог, встанет в нервах,
как в кусте огнистом.

ТАЙНА

Как за железным занавесом театра,
История для нас готовит сцены,
Которых не предугадаешь внятно...

Как за железным занавесом театра...
Ждать будем декораций перемены.

РАНЕННЫЙ

С отверстой раной в сердце, прохромавши,
Проходит он под боевые марши.

Тоска по родине вину подобна —
Тем крепче и мучительней, чем старше.

КРАКОВ

Прими меня опять, о Флорианска Брама,
С черницей, вся в свечах, стоящая упрямо;
Когда ж вернешься ты и станешь за окном,
Курган Костюшки,
Родная краковская наша Фудзияма?

А Замок сказочный, ты помнишь обо мне?
Венец каштанов, вас увижу ль не во сне,
Как в эти три весны? Какой тяжелой платой
Дается память о родимой стороне!

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ СТИХИ

CHRISTMAS CARDS¹

Добрейшая англичанка, всех близких поздравить
в праздник
Спешешь ты — перебираешь ворох
открыток прекрасных,
Волшебных, сказочных, детских — сверкающих снегом
искристо...
Ты знаешь ли, сколько лет я родным не пишу
на «Christmas»²,

---

¹ Рождественские открытки (англ.).

² Рождество (англ.).

Хоть их люблю больше жизни и помню их
ночно и денно...
Ты слушаешь, англичанка,— слеза на ресницах
повисла...
— Веселые у вас «greetings»¹,
забавные необыкновенно,
Но их не выслать в Польшу, как на Луну
не выслать.

БОМБОВЕЩАНИЕ

Радиоящик, в мир кричащий дверка,
Алтарик злым богам... В эфире — треск
От слов твоих пустого фейерверка,
Бомбовещающая бомбоньерка!

ТРЕНЫ ВИСЛЯНСКИЕ

1

Есть замок над древней рекою,
Который — война причиной —
Сейчас от меня далеко и
Экзотикой кажется ныне.

2

Глухой печалью поила
Река, что мне снится в муке,

---

¹ Поздравления (англ.).

Когда я с моста следила
Причудливые излуки.

3

А мысль — ее ход запутан —
Нашептывала упрямо,
Что я уж тонула будто
В пучине вот этой самой...

4

То чувство, что я отторгла,
Предчувствием было далеким,
Что схватит меня за горло
Тоска об этом потоке.

5

Ветер по тайному знаку
Ломает на Висле льдины.
Во сне дохожу до середины
Моста Зодиака...

6

В замке часы глуховато
Пробили двенадцать раз.
Вот — дом, что моим был когда-то,
Внезапно в нем свет погас.

И сонных теней вереница
 Стремится навстречу мне,
 На мост, который мне снится,
 Связующий нас во сне...

А утром сердце нещадно
 Болит, сквозь муку пройдя...
 Сейчас бы компресс прохладный
 Из краковского дождя!

ЧЕЛОВЕКОНАСЕКОМОЕ

Вы замечаете, что даже со знакомым
 Слов не найдешь теперь. Так изменился Номо.
 Вид изменяется: взамен за разум — крылья.
 Мы насекомеем! — Столкнись с насекомым!

АНГЛИЙСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Старый храм — корона из камня
 Сквозь деревья, за сизой мглою...
 . . . . .
 Доля ты моя нелюдская,
 До чего же тут все чужое!

Крепкий дом стоит вековечно,
Плющ ворота обвил большие —
Псы встречают меня сердечно,
Но не мои, чужие.

Служанки: Филис, Ребека —
Гольф: подстриженная лужайка —
Все тут ваше, ваше от века!
. . . . .
До чего же я здесь чужая...

Каждый вечер усядутся дружно
Перед мраморным черным камином,
Очагом домашним заветным.

В полночь радио в доме старинном
Им сыграет «The National Anthem»¹ —
О, как же мне все это чуждо.

Сколько лет подобного счастья
Вы расчислили? Жизнь повидавши,
Не хочу пугать, поучать вас.
. . . . .
Какое все это в а ш е!

Но боярышник неприютный,
Небо в лужице жестяной,
Ветер жалобный и ненастный,
Этот тракт бесконечный, грустный

---

¹ Государственный гимн (англ.).

На скамейке — профессор, уткнувшийся
в свой фолиант,
На соседней — графиня в пенсне,
А на третьей — еврейская девушка, роза живая...
Сколько, сколько их было, прелестных. Ах, бедные розы!

БОТАНИЧЕСКИЙ САД НА УЛ. КОПЕРНИКА

Виктория Регия там расцвела — среди листьев,
Больших, как лохани, в удушливой оранжерее.
Стояли художники там в пелеринах форсистых,
Гривасты, как львы, и утонченны, как орхидеи,
Рисуя в альбомах растений диковинных виды,
К примеру, вот этот заморский дурман ядовитый,
Взорвавшийся мощным цветком прихотливейших линий,
С чудовищным запахом силой в полтысячи лилий...
Есть там и обсерватория в зданье старинном
(обитель ученых),
Почти что заросшая розами и розмарином,
В созвездьях ромашек и в солнцах
подсолнухов сонных...

СВЕТ ВО ТЬМЕ...

На белой подушке, в постели,
под пледом, уснут печали.
Я тоскую семь дней недели,
воскресаю только ночами.

Сон, смягчающий боль ностальгии,
ты действительно грубой яви.
Пренебрегаю вами,
дни пустые, дни никакие!

В этой жизни моей безотрадной
сном лечу себя и морочу.
В Лабиринте нить Ариадны
светит мне ночью...

Голод сердца, в беде огромной,
нереальной кормлю я манной.
Под подушкой — мир мой и дом мой —
рай мой желанный.

Польша, ты у меня под подушкой,
будто в детстве любимая книжка...

. . . . .

Вот уже защелкал — послушай —
соловей на Белянах — уж близко
Вавель, Краков, улицы, Висла,
уж трамвай звенит на Звежинецкой —
вот уж дом мой виден наконец-то,
он мне раковина, я улитка —

Но будильник — с обретенным раем
я прощусь — дни ночей длиннее —
и весь день, весь день прозябаю,
тоскую семь дней недели...

ИВА У ДОРОГИ

Ива Польши, согнутая криво,
Молнии — жесточе раз от разу —
Жгли ее... Но зеленей, чем листья,
Тысячи ветвей ее прямых
Из груди рвались, как стрелы, к выси
В ярости экстаза!..
Сколько чувств тревожит эта ива!
Верит в жизнь она... Поверим тоже.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Британишский. Предисловие . . . . .</i>	3
---	---

Голубые небылицы. 1922

<i>Краски. Перевод В. Акопова . . . . .</i>	20
<i>Дом на лиственнице. Перевод О. Седаковой . . . . .</i>	20
<i>Гобелен. Перевод В. Акопова . . . . .</i>	22
<i>Молодые мои лета. Перевод М. Квятковской . . . . .</i>	23
<i>Выглянуло в окно. Перевод О. Седаковой . . . . .</i>	24
<i>Туфельки стеклянные. Перевод О. Седаковой . . . . .</i>	24
<i>Фиалковый епископ. Перевод Д. Самойлова . . . . .</i>	25
<i>Театр («Из-за черной портьеры...»). Перевод Д. Самойлова . . . . .</i>	27
<i>О, дайте уйти в Него. Перевод Н. Астафьевой . . . . .</i>	28
<i>Нечто о Домовичке. Перевод М. Квятковской . . . . .</i>	29
<i>Жаба. Перевод В. Акопова . . . . .</i>	29
<i>Закат над замком. Перевод В. Акопова . . . . .</i>	30

Розовая магия. 1924

<i>Розовая магия. Перевод О. Седаковой . . . . .</i>	32
<i>Я. Перевод В. Акопова . . . . .</i>	33
<i>Тот, кто хочет быть мной любим. Перевод Н. Астафьевой . . . . .</i>	34
<i>Небо и шляпки. Перевод Н. Астафьевой . . . . .</i>	35
<i>Телефон. Перевод М. Квятковской . . . . .</i>	35
<i>Натюрморт с яблоками. Перевод Н. Астафьевой . . . . .</i>	36
<i>**Пернатый. Перевод А. Ахматовой . . . . .</i>	36
<i>Благодетели. Перевод Н. Астафьевой . . . . .</i>	37

Поцелуи. 1926

<i>Пляж ночью. Перевод Н. Астафьевой . . . . .</i>	38
<i>**Сирены. Перевод М. Хороманского . . . . .</i>	38
<i>Море и небо. Перевод Н. Астафьевой . . . . .</i>	39
<i>*Чайка. Перевод Н. Астафьевой . . . . .</i>	39
<i>*Картинка. Перевод Н. Астафьевой . . . . .</i>	39
<i>*Безопасность. Перевод Н. Астафьевой . . . . .</i>	39

Любовь. Перевод Н. Астафьевой	40
Заповеди. Перевод Н. Астафьевой	40
Зной. Перевод Н. Астафьевой	40
*Львы в клетке. Перевод Н. Астафьевой	40
*Ночная бабочка. Перевод Н. Астафьевой	41
Офелия. Перевод Н. Астафьевой	41
*Коровы. Перевод Н. Астафьевой	41
Фотография. Перевод Н. Астафьевой	41
*Аэроплан. Перевод Н. Астафьевой	42
**Ураган. Перевод А. Ахматовой	42
Очи на крыльях. Перевод Д. Самойлова	42
*Роза. Перевод Н. Астафьевой	43
Лебедь. Перевод Н. Астафьевой	43
*Сад. Перевод Н. Астафьевой	43
*Слепая. Перевод Н. Астафьевой	43
Гроза. Перевод Н. Астафьевой	44
**Нике. Перевод А. Ахматовой	44
*Октябрь. Перевод Н. Астафьевой	44

Дансинг. 1927

Заклинатели змей. Перевод А. Эппеля	45
Бабочка. Перевод А. Эппеля	45
Фокстрот. Перевод А. Эппеля	46
Страх. Перевод А. Эппеля	46
Минута на веранде. Перевод В. Акопова	46
Руки танцора. Перевод В. Акопова	47
Танцуем дальше. Перевод В. Акопова	47
Отцветшая танцорка. Перевод В. Акопова	47
Револьверная пуля. Перевод В. Акопова	48
Предвесеннее. Перевод В. Акопова	49
Летчик. Перевод А. Эппеля	49
Пальмы. Перевод А. Эппеля	50
Потерянный партнер. Перевод А. Эппеля	50

Веер. 1927

Персидский ковер. Перевод В. Акопова	51
Замок на льду. Перевод В. Акопова	52
Дедушка. Перевод Д. Самойлова	52

Бабушка. Перевод Н. Астафьевой	53
Chinoiserie. Перевод А. Эппеля	54
Натурщица. Перевод М. Квятковской	55
Мадам Баттерфляй. Перевод В. Акопова	55
Утренняя птица. Перевод Н. Астафьевой	56
Ленартович. Перевод Н. Астафьевой	56
Лаура и Филон. Перевод В. Акопова	57
Эрос. Перевод Н. Астафьевой	58
Охота. Перевод Д. Самойлова	58
*Тетки. Перевод Н. Астафьевой	59
Создатель. Перевод Н. Астафьевой	59
**Влюбленные у моря. Перевод М. Хороманского	60
Бандит и черт. Перевод Д. Самойлова	61
Аквариум. Перевод В. Акопова	61
Любовь. Перевод З. Левицкого	63
Прошлое. Перевод В. Акопова	63

Лесная тишина. 1928

Свету. Перевод О. Седаковой	65
*Танцующий колибри. Перевод Н. Астафьевой	66
Темносмречинский лес. Перевод В. Акопова	66
Голубь. Перевод А. Эппеля	67
Женщина-Икар. Перевод Д. Самойлова	67
Прекраснейший сон. Перевод Н. Астафьевой	68

Париж. 1929

Париж. Перевод В. Акопова	71
-------------------------------------	----

Профиль белой дамы. 1930

*Женщина и летчик. Перевод Н. Астафьевой	76
Тело счастья. Перевод Н. Астафьевой	77
Осень («Осеннего кровотечения ничто не остановит...»). Перевод О. Седаковой	77

Шелк-сырец. 1932

Дома в городе. Перевод В. Акопова	78
И ни кувшинки. Перевод М. Квятковской	80
Ожидание. Перевод М. Квятковской	81

Спальня. Перевод М. Квятковской	81
Больному. Перевод А. Эппеля	82
Мясопожиральщикам. Перевод А. Эппеля	83
Мать Природа. Перевод А. Эппеля	84
Олень. Перевод О. Седаковой	85
Генеалогическое дерево. Перевод В. Акопова	86
Слезы. Перевод З. Левицкого	87
Осень («Розы осенние скрыты...»). Перевод Д. Самойлова	87
Буки. Перевод Д. Самойлова	87

Спящий экипаж. 1933

Спящий экипаж. Перевод Н. Астафьевой	88
Канарейки. Перевод В. Акопова	89
Театр («На сцене плачет артист...») Перевод Д. Самойлова	90
Белка. Перевод В. Акопова	91
Крокусы. Перевод В. Акопова	93
Мещанский буфет. Перевод Д. Самойлова	93
Немодный катафалк. Перевод А. Эппеля	94

Балет вьюнков. 1935

Балет вьюнков. Перевод О. Седаковой	96
Души роз. Перевод О. Седаковой	97
Мир молвит. Перевод А. Эппеля	97
**Подсолнечник. Перевод А. Ахматовой	98
Естественные молитвы. Перевод В. Акопова	99
Космический аргумент. Перевод В. Британиш- ского	99
**Смерть кариатиды. Перевод А. Ахматовой	100
Национальные цвета. Перевод В. Акопова	101
Белый конь в Рабате. Перевод Д. Самойлова	101
Печальный Некто и бедный Никто. Перевод Д. Са- мойлова	102
**Недоразумение. Перевод А. Ахматовой	103

Кристаллизации. 1937

Розы для Сафо. <i>Перевод О. Седаковой</i>	104
О ней. <i>Перевод О. Седаковой</i>	107
*Сожженные рукописи. <i>Перевод Н. Астафьевой</i>	107
Аквастихи. <i>Перевод В. Акопова</i>	108
Руины. <i>Перевод М. Квятковской</i>	109
Эпитафия влюбленной. <i>Перевод З. Левицкого</i>	110
Буря. <i>Перевод М. Квятковской</i>	110
*Внутренние крылья. <i>Перевод Н. Астафьевой</i>	111

Роза и горящие леса. 1940

Перевод Н. Астафьевой

Море и города	112
Элегия	113
Рифмы	114
Год сердечных трудов	115
Пленница	116

Жертвенный голубь. 1941

**Быть цветком?.. <i>Перевод А. Ахматовой</i>	117
Звездный вечер. <i>Перевод Н. Астафьевой</i>	117
*Роза, леса и весь мир. <i>Перевод Н. Астафьевой</i>	118

Стихотворения последних лет

Зеленый город. <i>Перевод Н. Астафьевой</i>	119
*В дождь на берегу моря. <i>Перевод Н. Астафьевой</i>	120
Воспоминания с лугов. <i>Перевод В. Акопова</i>	120
Чужая душа... <i>Перевод Н. Астафьевой</i>	121
Для Минотавра. <i>Перевод Д. Самойлова</i>	121
Сон. <i>Перевод Н. Астафьевой</i>	122
Военные рубаи	
Blue sky. <i>Перевод Д. Самойлова</i>	123
Здоровые места. <i>Перевод Д. Самойлова</i>	123
*Безутешный куст. <i>Перевод Н. Астафьевой</i>	123
Маков цвет. <i>Перевод Д. Самойлова</i>	123
Морской звезде. <i>Перевод Д. Самойлова</i>	124

Разговор с Хайямом. Перевод Д. Самойлова . . .	124
Цвет моря. Перевод Д. Самойлова	124
Апокалипсис. Перевод Н. Астафьевой	124
*Смерть от лавины. Перевод Н. Астафьевой	125
Страстоцвет. Перевод Д. Самойлова	125
Горняк, засыпанный в забое. Перевод Д. Самойлова	125
*Гадания. Перевод Н. Астафьевой	126
*Современный человек. Перевод Н. Астафьевой	126
*С чужбины. Перевод Н. Астафьевой	126
Ближний. Перевод Д. Самойлова	126
Скромные желанья. Перевод Н. Астафьевой	127
*Светопреставление. Перевод Н. Астафьевой	127
*Современная женщина. Перевод Н. Астафьевой	127
*Отчаяние. Перевод Н. Астафьевой	127
*Творенья человека. Перевод Н. Астафьевой	128
Физическая боль. Перевод Н. Астафьевой	128
Тайна. Перевод Д. Самойлова	128
Раненый. Перевод Д. Самойлова	128
Краков. Перевод Д. Самойлова	129
Рождественские стихи	
Christmas cards. Перевод Н. Астафьевой	129
*Бомбовещание. Перевод Н. Астафьевой	130
*Трены вислянские. Перевод А. Ахматовой	130
*Человеконасекомое. Перевод Н. Астафьевой	132
*Английские впечатления. Перевод Н. Астафьевой	132
Стихи о Кракове	
*На Краковских Блоньях. Перевод Н. Астафьевой	134
*Планты. Перевод Н. Астафьевой	134
*Ботанический сад на ул. Коцерника. Перевод Н. Астафьевой	135
Свет во тьме... Перевод Н. Астафьевой	135
**Ива у дороги. Перевод А. Ахматовой	137

Мария Павликовская-Ясножневская

СТИХИ

Редактор Ю. Живова

Художественный редактор Т. Самигулин

Технический редактор Е. Ионова

Корректоры Г. Володина и Т. Медведева

ИБ № 4621

Сдано в набор 19.08.86. Подписано в печать 10.02.87. Формат 60×90¹/₃₂.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л 4,5. Усл. кр.-отт. 9,25.
Уч.-изд. л. 4,43. Тираж 10 000 экз. Изд. № V-2424. Заказ № 602.
Цена 40 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19
Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 300600, г. Тула, проспект Ленина, 109

